

Erstveröffentlichung der Rezension in deutscher Sprache auf H-Soz-Kult am 17.06.2022:
Публикация рецензии на немецком языке на H-Soz-Kult от 17 июня 2022 г.:

Jonas Kreienbaum: Rezension zu: *Sznaider, Natan: Fluchtpunkte der Erinnerung. Über die Gegenwart von Holocaust und Kolonialismus. München 2022. ISBN 978-3-446-27296-5*, In: H-Soz-Kult, 17.06.2022, < <https://www.hsozkult.de/publicationreview/id/reb-116441> >.

Sznaider, Natan: Fluchtpunkte der Erinnerung. Über die Gegenwart von Holocaust und Kolonialismus. München: Carl Hanser Verlag, 2022. – 256 S. – ISBN: 978-3-446-27296-5

[Шнайдер, Натан: Точки схода памяти. К вопросу об актуальности Холокоста и колониализма. Мюнхен, 2022]

Rezensent: Jonas Kreienbaum, Historisches Institut, Universität Rostock

Рецензент: Йонас Крайенбаум, исторический факультет Ростокского университета

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2023-00022>

В феврале 2020 г. Феликс Кляйн, уполномоченный правительства ФРГ по борьбе с антисемитизмом, раскритиковал приглашение известного теоретика постколониальных исследований Ашиля Мбембе выступить с речью на открытии фестиваля «Рур-триеннале» в Бохуме. Кляйн обвинил этого историка и политолога, который родом из Камеруна и преподает в Южной Африке, в преуменьшении значения Холокоста. К тому же, по его мнению, Мбембе поставил под вопрос само право Израиля на существование, поэтому приглашение следовало отозвать. Разразилась «газетная война» (с. 13), где обе стороны обвиняли друг друга в антисемитизме и расизме¹. Год спустя, после выхода немецкого перевода исследования Майкла Ротберга «Разнонаправленная память» (*Multidirectional Memory*, впервые опубликовано в 2009 г.), начался новый виток спора². На фоне таких событий австралийский историк А. Дирк Мозес выпустил в 2021 г. полемический труд под названием «Катехизис немцев», в котором привел аргументы в поддержку своей точки

¹ Больше о дискуссии с Мбембе см. среди прочего: Andreas Eckert, Postkoloniale Zeitgeschichte?, in: *Zeithistorische Forschungen/Studies in Contemporary History* 17 (2020), S. 530–543, <https://zeithistorische-forschungen.de/3-2020/5881> (02.06.2022); Randi Becker, Gleichheit und Differenz. Achille Mbembe, der Holocaust und das Judentum, in: Jan Gerber (Hrsg.), *Die Untiefen des Postkolonialismus*, Berlin 2021, S. 104–119.

² Michael Rothberg, *Multidirektionale Erinnerung. Holocaustgedenken im Zeitalter der Dekolonisierung*, Berlin 2021; рецензентка - Katharina Stengel, in: H-Soz-Kult, 11.05.2021, <https://www.hsozkult.de/publicationreview/id/reb-95854> (02.06.2022). См. также Jürgen Zimmerer / Michael Rothberg, Enttabuisiert den Vergleich!, in: *ZEIT*, 31.03.2021, S. 59, <https://www.zeit.de/2021/14/erinnerungskultur-gedenken-pluralisieren-holocaust-vergleich-globalisierung-geschichte> (02.06.2022).

зрения, что вера в исключительность Холокоста играет важную роль в том, чтобы «делать невидимыми другие исторические преступления», – а к ним как раз относятся акты насилия колониального периода³. Все последующие месяцы в дискуссионных разделах германских газет доминировала дискуссия о возможной взаимосвязи между колониализмом и национал-социализмом, об уникальности Холокоста и правомерности сравнения его с другими преступлениями, а также о его месте в памяти немцев. В этот «Спор историков 2.0», как его часто называют по аналогии с дискуссией о соотношении между собой преступлений национал-социалистического и сталинистского режимов, начатой в 1986 г., вмешивается преподающий в Тель-Авиве социолог Натан Шнайдер, выпустив свою новую книгу «Точки схода памяти» (*Fluchtpunkte der Erinnerung*).

Для Шнайдера важно «встроить этот спор в более широкие исторические и социологические рамки» (с. 15сл.), поскольку аргументы сторон «не свалились с неба и уже давно были подготовлены интеллектуалами» (с. 16). С этой целью в первой главе книги Шнайдер прослеживает интеллектуальные биографии различных представителей еврейской и постколониальной мысли начиная с межвоенного времени: он знакомит читателя с их взглядами на эмансипацию, колониализм, Холокост и Израиль. Особенно он заостряет внимание на том, как соотносятся между собой попытки толковать события с точки зрения партикуляристского и универсалистского подходов. Он начинает с еврейского социолога Карла Мангейма, родившегося в 1893 г. в Будапеште и позже эмигрировавшего в Германию, концепция социологии знания которого дает «этому эссе теоретическую базу» (с. 22). Мангейм сомневался, что существует позиция объективного наблюдателя, исходя из которой можно было бы познать истину. Более вероятно, что точка зрения наблюдателя на мир, которая является результатом его опыта, неизбежно субъективна и определяет его понимание. Эту жесткую зависимость мыслящих субъектов от их позиции Шнайдер вслед за Мангеймом постоянно учитывает самым серьезным образом, когда он далее пишет, среди прочего, о Клоде Ланцмане, Франце Фаноне, Альберте Мемми, Эдварде Саиде и – неоднократно – о Ханне Арендт.

При этом Шнайдер обнаруживает чрезвычайное сходство между опытом евреев и людей из (бывших) колоний: так, например, обещание просветителей, важное, в первую очередь, в контексте Франции, оказалось, по его словам, обманчивым для обеих указанных групп. Именно антисемитизм в ходе дела Дрейфуса в 1890-х годах развеял надежды евреев на ассимиляцию и показал, что они так и не были признаны большинством полноценной частью общества. Теодор Герцль сделал из этого вывод, что единственно возможным решением был бы национальный суверенитет. Его сионизм был ответом на европейский антисемитизм. Десятилетия спустя схожим образом был разочарован и родившийся на Мартинике Франц Фанон, который в годы Второй мировой войны сражался в рядах «Свободных французских сил», но всегда, как отмечает Шнайдер, ощущал «взгляд белого француза на своей черной коже» (с. 93). Он чувствовал себя «преданным французским универсализмом» (с. 99) и в конце концов вступил в ряды борцов за освобождение Алжира от французского колониального владычества.

Однако прежде всего Шнайдер обращает внимание на партикулярные взгляды своих протагонистов, особенно когда речь заходит об оценке Холокоста и государства Израиль. Говоря о Ханне Арендт, он критикует то, что на основании избирательного прочтения

³ A. Dirk Moses, *Der Katechismus der Deutschen*, in: *Geschichte der Gegenwart*, 23.05.2021, <https://geschichtedergegenwart.ch/der-katechismus-der-deutschen/> (02.06.2022).

фрагментов ее труда «Истоки тоталитаризма»⁴ ее слишком часто воспринимают как «первого теоретика деколонизации в исследованиях, посвященных Холокосту» (с. 74). При таком селективном чтении, по мнению Шнайдера, теряется специфически еврейская направленность ее взгляда, которая подчеркивает, что уничтожение евреев было единственным в своем роде явлением, – например, когда в 1946 г. она пишет: «Из всех преследуемых только евреи были избраны на верную смерть [...] важнейший момент в том, что только евреев неминуемо отправляли в газовые камеры [...]» (с. 61). По Шнайдеру, «Истоки тоталитаризма» можно читать и как универсальную, и как партикулярную книгу, как автобиографическое произведение и как труд по политической теории (с. 69). Еще сильнее различия проявляются, когда Шнайдер разбирает спор между родившимся в Палестине постколониальным теоретиком Эдвардом Саидом и американским философом еврейского происхождения Майклом Уолцером. Саид атаковал Уолцера после того, как тот в 1985 г. интерпретировал библейскую историю освобождения евреев из египетского рабства как «сионистский миф освобождения и независимости евреев» со знаком плюс (такова формулировка Шнайдера, с. 148). Для Саида же, напротив, в книге Исход речь шла об оправдании еврейского колониализма. Для него было важно написать историю с точки зрения ханаанеев (т.е. палестинцев). В конечном счете, решает Шнайдер, мы видим «в этом споре две партикулярные истории, которые, однако, [обе] рассматривают себя как универсальные» (с.150).

Все это является одной из главных идей книги, которая присутствует и во второй, более короткой ее части, озаглавленной термином, который дал название и всей книге: «Точки схода памяти». Ее Шнайдер в первую очередь посвящает Израилю как «точке схода», которая, в зависимости от точки зрения, рассматривается как колониальный, антиколониальный или постколониальный проект. Евреи – это белые европейцы, которые основали в Палестине переселенческую колонию, при этом сами же прибегнув к геноциду как к средству достижения цели? Или же они – не-белый колонизированный народ, который больше всех пострадал от расистской политики европейцев, и является ли тогда Израиль постколониальным государством? По мнению Шнайдера, речь здесь идет о «взаимоисключающих точках зрения» с фатальными политическими последствиями, которые ведут к постоянным вооруженным конфликтам и войнам (с. 163сл.). Принимая это во внимание, автор дистанцируется от предлагаемого Ротбергом подхода под названием «разнонаправленная память» – воспоминаний, которые «усиливают друг друга и считаются вместе» (с. 162). Вместо этого он выдвигает понятие «точек схода памяти»: воспоминания о Холокосте и колониализме движутся по параллельным траекториям (в направлении разных точек схода), при этом вовсе необязательно, чтобы они постоянно взаимодействовали друг с другом. Тем самым уделяется место и партикулярным воспоминаниям, но в то же время не исключаются и совместные описания Холокоста и колониализма⁵. Однако здесь стоило бы посмотреть критически и задать вопрос, насколько подход Ротберга в действительности имеет тенденцию к тому, чтобы растворять конфликты памяти в «иллюзии разнонаправленной памяти», как это сформулировал Шнайдер в одном

⁴ Книга сначала была издана в 1951 г. на английском языке (Hannah Arendt, *The Origins of Totalitarianism*, New York 1951) и лишь 4 года спустя – переработанным изданием на немецком (Hannah Arendt, *Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft*, Frankfurt am Main 1955).

⁵ Более подробно о различиях между этими двумя концепциями Шнайдер также высказывается в René Aguigah, *Langes Gespräch mit Natan Sznaider: Kolonialismus und Holocaust*, in: *Deutschlandfunk Kultur*, 15.05.2022, <https://www.deutschlandfunkkultur.de/langes-gespraech-mit-natan-sznaider-kolonialismus-und-holocaust-dlf-kultur-7dc791cd-100.html> (02.06.2022).

из интервью⁶. В конце концов, американский литературовед вполне допускает, что «разнонаправленность памяти» необязательно способствует солидарности, но может служить и «интересам насилия и эксклюзии»⁷.

В следующем разделе Шнайдер акцентирует внимание на том, как память о Холокосте представлена в Германии. Он приводит аргументы в пользу тезиса, что набирающая обороты глобализация способствовала изменению культуры памяти⁸: Холокост теперь, по его словам, понимается еще и как колониальный геноцид, т.к. это позволяет интерпретировать «Германию как “нормальную” европейскую страну» (с. 193). В таком случае на немецком народе больше не лежит именно как на немцах уникальная вина в умерщвлении европейских евреев, а лишь разделяемая с другими европейскими народами вина как на колонизаторах⁹. Другая сторона, представляющая Холокост, напротив, как злодеяние, совершенное по специфически антисемитским мотивам, решительно возражает против такой его трактовки. В этом месте не упоминается позиция, в защиту которой неоднократно выступали Юрген Циммерер и другие историки: они аргументированно показывают, что тезис о сингулярности Холокоста позволил маргинализировать другие насильственные преступления немцев – в первую очередь, геноцид в Германской Юго-Западной Африке – и таким образом представить историю Германии (за исключением периода с 1933 по 1945 гг.) криминально относительно «неотягощенной»¹⁰. Помимо прочего, здесь и применительно вообще ко всей книге бросается в глаза, что точкой отсчета является Холокост, в связи с вопросами об антисемитизме и Израиле, тогда как другой аспект идущей в исторической науке дискуссии о континуитете, а именно вопрос, насколько войну и планы национал-социалистов по расселению немцев в Восточной Европе можно расценивать как колониальные, почти полностью оставляется автором без внимания. Но именно эта взаимосвязь в последнее время признана в науке особенно правдоподобной (и оба комплекса – уничтожение евреев и попытка колонизовать Восточную Европу – связаны друг с другом)¹¹.

Завершая свою книгу, Шнайдер рассматривает тему «расизм и антисемитизм» и выступает в защиту объединяющей памяти, включающей и одно, и другое. Он пишет: «Наше мышление находится в пространстве множества значений: оно ни западное, ни незападное, а и то, и другое. Не либо колониализм, либо Холокост, а оба». (с. 214). В конечном счете, как он полагает, главное заключается в том, чтобы мысленно объединить универсализм и партикуляризм и рефлексировать над ними. По его мнению, текущий спор страдает прежде всего оттого, что его участники провозглашают свои частные точки зрения

⁶ Ebd.

⁷ Rothberg, Multidirektionale Erinnerung, S. 37.

⁸ По этой теме см. изданное добрых два десятилетия назад (с несколькими другими мнениями авторов) уже в Daniel Levy / Natan Sznaider, Erinnerung im globalen Zeitalter. Der Holocaust, Frankfurt am Main 2001.

⁹ Об европеизации памяти о Холокосте см. также Arnd Bauerkämper, Das umstrittene Gedächtnis. Die Erinnerung an Nationalsozialismus, Faschismus und Krieg in Europa seit 1945, Paderborn 2012, und Claus Leggewie / Anne Lang, Der Kampf um die europäische Erinnerung. Ein Schlachtfeld wird besichtigt, München 2011.

¹⁰ Jürgen Zimmerer, Nationalsozialismus postkolonial. Plädoyer zur Globalisierung der deutschen Gewaltgeschichte, in: Zeitschrift für Geschichtswissenschaft 57 (2009), S. 529–548, здесь в особенности S.

544, [https://zeithistorische-forschungen.de/sites/default/files/medien/material/2008-](https://zeithistorische-forschungen.de/sites/default/files/medien/material/2008-3/Zimmerer_Nationalsozialismus.pdf)

[3/Zimmerer_Nationalsozialismus.pdf](https://zeithistorische-forschungen.de/sites/default/files/medien/material/2008-3/Zimmerer_Nationalsozialismus.pdf) (02.06.2022). См., например, также Christoph Marx, Entsorgen und Entseuchen. Zur Diskussionskultur in der derzeitigen namibischen Historiographie – eine Polemik, in: Henning Melber (Hrsg.), Genozid und Gedenken. Namibisch-deutsche Geschichte und Gegenwart, Frankfurt am Main 2005, S. 141–161, hier S. 153.

¹¹ Cp. Frank Bajohr / Rachel O’Sullivan, Holocaust, Kolonialismus und NS-Imperialismus. Forschung im Schatten einer polemischen Debatte, in: Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte 70 (2022), S. 191–202.

универсальными истинами (с. 211). В то же время автор возражает против того, чтобы рассматривать партикулярные взгляды *per se* как неправомерные.

Книга Натана Шнайдера найдет теплый прием у ученых как вклад в один из главных споров современности, который определенно будет с нами еще какое-то время. Из ее сильных сторон при этом прежде всего можно отметить, что социолог старается, не полемизируя, оценить по достоинству взгляды обеих сторон: «Я выступаю за большее спокойствие в дискуссии, хоть и знаю, что это невозможно»¹². В газетных дискуссионных публикациях последнего времени нельзя было не заметить, что их авторы зачастую высказывались, не принимая во внимание слова друг друга. Так, например, в статье для газеты «ZEIT» под заголовком «Разрешите сравнивать!» Циммерер и Ротберг выразили свое требование «снять табу» и тем самым вызвали у читателя впечатление, будто их противники принципиально отрицали возможность рассмотрения Холокоста в компаративистском ключе¹³. Между тем большинство авторов, которые критически высказываются об интерпретациях Холокоста с позиции постколониальных исследований, как на нечто само собой разумеющееся указывают на то, что говорить об уникальности Холокоста допустимо только в сравнении его с другими преступлениями¹⁴. И наоборот, Гетц Али в одном из интервью констатировал, что «нет ничего, что было бы равно Холокосту», и тем самым намекнул, что остальные участники дискуссий утверждали именно это¹⁵. Однако и Циммерер, Ротберг и Мозес, несмотря на то, что у каждого свои взгляды, не хотят «ни в коем случае отрицать уникальные элементы для Холокоста»¹⁶. На этом фоне приятным исключением выглядит та детальная, уравновешенная и дифференцированная реконструкция аргументов различных участников сегодняшней дискуссии, которую мы встречаем в первой части книги Шнайдера.

Во второй же части исследования сильнее проявляется обусловленность суждений самого Шнайдера его точкой зрения: здесь ощущается, что ему, в конце концов, ближе еврейские, чем постколониальные взгляды, – что, принимая во внимание социологию знания Мангейма, более чем понятно. По всему видно, что он бы не ответил четким «да» на сформулированный им же во вводной главе вопрос, могли бы «обе дискутирующие стороны быть правы по-своему, исходя из своей точки зрения» (с. 21)¹⁷. Он пишет: «Постколониализм часто мыслит в категориях дихотомий: колонизаторы и колонизированные, белые и небелые, [...] преступники и жертвы [...]. На основе опыта евреев, напротив, складывается иная история, а именно история, в которой есть „и то, и другое“, история, подрывающая эти дихотомии [...]» (с. 176). Ввиду же того, что теории в

¹² „Die Gegensätze aufrechterhalten“, in: taz, 01.02.2022 (Interview von Till Schmidt mit Natan Sznaider), <https://taz.de/Natan-Sznaider-ueber-Postkolonialismus/!5828885/> (02.06.2022).

¹³ Zimmerer / Rothberg, Enttabuisiert den Vergleich!

¹⁴ К примеру, Sybille Steinbacher, Über Holocaustvergleiche und Kontinuitäten kolonialer Gewalt, in: Saul Friedländer u.a., Ein Verbrechen ohne Namen. Anmerkungen zum neuen Streit über den Holocaust, München 2021, S. 53–68; см. также Jürgen Habermas, Statt eines Vorworts, in: ebd., S. 7–13. Для сравнения см. рецензию Michael Wildt, in: H-Soz-Kult, 13.05.2022, <https://www.hsozkult.de/publicationreview/id/reb-114581> (02.06.2022).

¹⁵ Götz Aly, „Es gibt nichts, das deckungsgleich mit dem Holocaust wäre“, in: Deutschlandfunk Kultur, 13.07.2021, <https://www.deutschlandfunkkultur.de/goetz-aly-es-gibt-nichts-das-deckungsgleich-mit-dem-100.html> (02.06.2022). В похожем направлении идет Jürgen Kaube, Die Gleichmacher, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 11.06.2021, S. 43f.

¹⁶ Zimmerer / Rothberg, Enttabuisiert den Vergleich! Ср. также у Мозеса, который уточняет: „Холокост, конечно, является актом антисемитизма.“ A. Dirk Moses, Neuer Historikerstreit? Neuer Autoritarismus!, in: Berliner Zeitung, 07.08.2021, S. 12 (курсив отсюда).

¹⁷ В одном из интервью Шнайдер объясняет (что относится и к вышеупомянутому его тезису), что он сам понимает Холокост прежде всего как преступление на почве антисемитизма, – не на почве расизма и не преступление против человечества. См. Aguigah, Langes Gespräch mit Natan Sznaider.

области постколониальных исследований зачастую гетерогенны и противоречивы, такое описание постколониальной науки представляется слишком примитивным¹⁸. Так, можно указать на то, что, когда во многих работах по теме постколониализма ставят в центр внимания агентность колонизированных, тем самым расшатывается именно эта устойчивая дихотомия преступник-жертва – дихотомия, которая, кстати, занимает гораздо более центральное место во многих интерпретациях Холокоста¹⁹. Память не столько с уклоном в эксклюзивность события, сколько направленная на то, чтобы вместить в себя «и одно, и другое», порой может относиться не только к еврейской истории, но и к постколониальным традициям. И то, что сами эти категории не всегда так однозначны, Шнайдер иллюстрирует на примере Альбера Мемми (1920-2020 гг.). Рожденный в Тунисе, он был как евреем, так и арабом, как французом, так и колонизованным. Его биографию и образ мысли в конечном итоге трудно однозначно приписать сторонникам какого-либо лагеря в «споре о постколониализме и еврействе» (с. 122).

Примечание редакции:

Этот текст представляет собой рецензию-эссе – рубрику, созданную H-Soz-Kult в 2022 г., в которой можно обсуждать важные публикации в более длинном и несколько более свободном формате.

Перевод с немецкого: Елена Брагина (Elena Bragina)
Редакция перевода: Кирилл Левинсон (Kirill Levinson)

¹⁸ В качестве ознакомления с темой ср., например, Robert J.C. Young, Postcolonialism. A Very Short Introduction, Oxford 2003, S. 6f.; Ulrike Lindner, Neuere Kolonialgeschichte und Postcolonial Studies, Version 1.0, in: Docupedia-Zeitgeschichte, 15.04.2011, https://docupedia.de/zg/lindner_neuere_kolonialgeschichte_v1_de_2011 (02.06.2022).

¹⁹ Сам Шнайдер указывает на то, что на базовом уровне проводится различие между жертвами и преступниками, - например, в философии Клода Ланцмана и Жана Амери. Ср также A. Dirk Moses, The Problems of Genocide. Permanent Security and the Language of Transgression, Cambridge 2021; рецензия Norbert Finzsch, in: H-Soz-Kult, 13.05.2022, <https://www.hsozkult.de/publicationreview/id/reb-95724> (02.06.2022).

Erstveröffentlichung der Rezension in französischer Sprache in Francia recensio 2022/1:
Первая публикация рецензии на французском языке в онлайн журнале Francia recensio 2022/1:

Didier Marcel Houénoudé: Rezension zu: Savoy, Bénédicte: *Afrikas Kampf um seine Kunst. Geschichte einer postkolonialen Niederlage*. München: C. H. Beck 2021. – 256 S., 16 Abb. – ISBN 978-3-406-76696-1, in Francia recensio 2022/1 <https://journals.ub.uni-heidelberg.de/index.php/frrec/article/view/87531>

Savoy, Bénédicte: Afrikas Kampf um seine Kunst. Geschichte einer postkolonialen Niederlage. München: C. H. Beck 2021. – 256 S., 16 Abb. – ISBN 978-3-406-76696-1

[Савой, Бенедикт: Борьба Африки за своё искусство. История постколониального поражения. Мюнхен 2021]

Rezensent: Didier Marcel Houénoudé, Cotonou

Рецензент: Дидье Марсель Уэнуд, Котону

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2023-00021>

"Afrikas Kampf um seine Kunst", Бенедикт Савой (2021), - безусловно, первая книга, в которой реституционные требования африканских стран рассматриваются в историческом контексте. С первых же строк читателя охватывает волнительное чувство прикосновения к истокам одной из актуальных дискуссий культурной жизни начала XXI века.

Подобно хронологическому фризсу книга состоит из 16 глав, в которых представлены споры о реституции африканского наследия. Хронологическое измерение заявлено уже в самих названиях глав, некоторые из которых отсылают к статьям в прессе или кинопродукции. Антагонисты постепенно вводятся в сюжет и детально обрисовываются (их происхождение и биография). И, хотя речь идёт о научной работе, книгу вполне можно отнести к жанру новеллы с элементами драматургии: каждая глава – это, на самом деле, акт, после последней сцены которого опускается занавес.

Таким образом, первый акт драмы или трагедии борьбы за реституцию начинается ещё до обретения Африкой независимости, если говорить о странах, ставших таковыми в 1960-е гг. Он разыгран африканской интеллигенцией, осознающей важную роль искусства африканских народов в их развитии. Среди этих интеллектуалов можно упомянуть дагомейца Паулина Йоахима, бывшего в авангарде движения за реституцию предметов африканского искусства в музеях западных стран и предвидевшего те аргументы, которые будут использованы для отказа африканцам в их праве на возвращение того, что принадлежит им по праву.

Фестиваль «FESMAN»¹, инициатором которого выступил Леопольд Седар Сенгор, и который был призван явить миру творческий гений чернокожих народов, отражает бессилие

¹ Международный фестиваль африканского искусства [Festival Mondial des Arts Nègres] был проведен в 1966 г. в Дакаре по инициативе президента Сенегала Леопольда Седара Сенгора.

новых независимых африканских стран в деле возвращения их собственности, более 90% которой парадоксальным образом находилось за пределами континента.

И если первая глава посвящена франкоязычному миру (в частности, французским колониям), то вторая глава – отдельным бывшим колониям Великобритании, а именно Гане и Нигерии, граждане которых (Нии Кватэ Ово [Nii Kwate Owoo], Эдди Угбома [Eddie Ugbomah]) обратились к проблеме реституции с использованием средств широкого охвата аудитории, таких как кино. В те годы, т.е. 1971-1979, они подняли вопрос о происхождении предметов, наполнявших запасники европейских музеев, а среди африканцев уже появляется идея или представление о циркуляции и, прежде всего, подчас "перманентного" заимствования некоторых предметов их искусства.

Первый официальный запрос от Экпо Эйо [Ekpo Eyo], тогдашнего директора Нигерийской службы древностей, в канцелярии некоторых западных стран, включая Германию, хотя и поддержанный (очевидно, исходя из принципов и интересов постколониальной политики) некоторыми немецкими деятелями (Хайнц Дитрих Штекер [Heinz Dietrich Stoecker], Франц Амрен [Franz Amrehn]), был, к сожалению, отклонен из страха положить начало дискуссии, которая легко могла бы выйти из-под контроля: «Es sollte nicht nur eine vermeintliche Kettenreaktion unter den ehemals kolonisierten Ländern verhindert werden, sondern auch, dass sich die westdeutsche Zivilgesellschaft und eine neue Generation von Museumsleuten Anfang der 1970er Jahre womöglich mit den Wünschen der sogenannten Dritten Welt solidarisierten» (с. 43).²

Довольство немецких чиновников, полагавших, будто им удалось избежать разбирательств по любым запросам и претензиям или возможных требований реституции, было сведено на нет осенью 1973 г. президентом Заира Мобуту Сесе Секо, выведшим требование о реституции произведений искусства на международный уровень, в частности, на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций, которая 18 декабря 1973 г. приняла резолюцию 3187 о "реституции произведений искусства странам, пострадавшим от экспроприации".³

С того момента, как споры о реституции приобрели глобальный характер, западные музеи искусно разрабатывают стратегии противодействия любым реституционным запросам со стороны стран "третьего мира", что иллюстрирует "немецкий спор" (с. 69–83) с его главными антагонистами, такими как Фридрих Куссмауль [Friedrich Kussmaul] и Герберт Гансльмайер [Herbert Ganslmaier]. В то же время несмотря на то, что запрос Традиционного совета Кумаси о реституции регалий народа Ашанти был отклонен парламентом и британским правительством в 1974 г., борьба африканских стран встретила сочувствие значительной части международной общественности.

Сильная симпатия к идее реституции находит отчасти живой отклик в местной и международной прессе во время фестиваля «FESTAC 77»⁴, а также среди значимых политических фигур (Хильдегарда Хамм-Брюхер [Hildegard Hamm-Brücher]) на Всемирной конференции ЮНЕСКО по культурной политике в 1982 г. Однако перед лицом отказа

² «Нужно предупредить не только вероятную цепную реакцию среди прежде колонизированных стран, но также возможность проявления солидарности западногерманского гражданского общества и нового поколения музейщиков начала 1970-х годов с устремлениями так называемого третьего мира.»

³ Эта знаменитая резолюция, поддержанная двенадцатью африканскими странами, а именно Бурунди, Чад, Конго, Гвинея, Мали, Мавритания, Нигер, Сенегал, Нигер, Сенегал, Уганда, Танзания и Замбия, получила 113 голосов поддержки при 17 воздержавшихся и ни одного голоса против. Бывшие колониальные державы, такие как Франция, Бельгия, Великобритания, Федеративная Республика Германия, Португалия и Италия, а также Австрия, Люксембург, Норвегия, Швеция, США, Япония и Южная Африка воздержались.

⁴ Всемирный фестиваль искусств и культуры для чернокожих и африканцев [World Black and African Festival of Arts and Culture], который состоялся в 1977 г. в Лагосе, Нигерия, как продолжение фестиваля "FESMAN" 1966 г.

западных стран от удовлетворения реституционных требований, предъявляемых по дипломатическим и прочим переговорным каналам, некоторые африканцы постепенно радикализируются, пока другие продолжают борьбу через соответствующие международные инстанции, в то время как западные институты заняты собственным арсеналом средств и методов противостояния, некоторые из которых принимали форму «bemerkenswert kleinliche Vorschläge zu möglichen Formen der Kooperation mit ehemals kolonisierten Ländern»⁵ (С. 136).

После прочтения книга представляется текстом, незаменимым для понимания ранее опубликованного эссе Бенедикт Савой (Bénédicte Savoy) и Фелвина Сарра (Felwine Sarr) "Реституция африканского наследия" [Restituer le patrimoine africain], вышедшего в 2018 г. в «Издания Филиппа Рей» [éditions Philippe Rey], и, в первую очередь, приверженности авторов идее реституции. В частности, она позволяет пролить свет на ту амнезию, что охватила группу лиц, связанных с этими дебатами, а также волну надежд и эмоций, захлестнувшую черный континент, когда это сочинение высказалось за реституцию его наследия.

И хотя труд в общих чертах рассматривает хронологию борьбы за реституцию, в нем представлено также тематическое исследование, большей частью на немецком материале, которое обильно питает сам дискурс.

Книга деконструирует различные аргументы против реституции и освещает борьбу, которой уже более 60 лет. Она отдает дань уважения пионерам этой схватки, которая началась задолго до обретения независимости в 1960-х годах, и эпилогом которой стали возвращение в Сенегал меча Аль-Хадж Омара Талла, а в Бенин – 26 предметов из сокровищницы Беханзина.

Наконец, в книге отмечается, что пагубные отношения, возникшие между колонизированными странами и бывшими колониальными державами, ожесточение и/или радикализация части африканской молодежи по отношению к Европе, стали следствием высокомерия Запада, его презрения к колонизированным странам, что привело народы последних к разочарованию и отчаянию от невозможности быть услышанными.

Перевод с французского: Вадим Попов (Vadim Popov)

⁵ «замечательно мелочных предложений о возможных формах сотрудничества с бывшими колонизированными странами».

Erstveröffentlichung der Rezension in deutscher Sprache auf H-Soz-Kult am 11.05.2021:
Первая публикация рецензии на немецком языке на H-Soz-Kult 11 мая 2021 г.:

Katharina Stengel: Rezension zu: *Rothberg, Michael: Multidirektionale Erinnerung. Holocaustgedenken im Zeitalter der Dekolonisierung*. Berlin 2021: Metropol Verlag ISBN: 978-3-86331-558-0; 404 S., In: H-Soz-Kult, 11.05.2021
<<https://www.hsozkult.de/searching/id/reb-95854>>

Rothberg, Michael: Multidirektionale Erinnerung. Holocaustgedenken im Zeitalter der Dekolonisierung. Berlin 2021: Metropol Verlag ISBN: 978-3-86331-558-0

[Ротберг, Майкл: Разнонаправленная память. Память о Холокосте в эпоху деколонизации. Берлин 2021]

Rezensentin: Katharina Stengel, Frankfurt am Main

Рецензент: Катарина Штенгель, Франкфурт-на-Майне

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2023-00020>

Перевод книги Майкла Ротберга на немецкий язык вызвал оживленные дискуссии на страницах газет и научных журналов. Были овации, а также умеренная и сильная критика вплоть до резких обвинений в релятивизации Холокоста. Для рецепции важно учитывать, что эта книга американского литературоведа, состоящая из отдельных эссе, вышла в США в 2009 году, а некоторые из положенных в ее основу текстов были написаны еще несколькими годами ранее. Предисловие к публикации на немецком языке состоит из интервью, взятого редакторами Феликсом Акстером и Яной Кёниг у автора, в котором обсуждаются его мотивы и текущие дебаты в Федеративной Республике Германия (ключевые слова: дебаты о тезисах Мбембе, дебаты о колониализме и расизме). Это предисловие, однако, не помещает эссе Ротберга в американский контекст 2000-х годов. Между тем это вполне могло бы способствовать пониманию авторской позиции в некоторых местах, например если учесть, что рассуждения Ротберга о Холокосте как о «маскирующем воспоминании» (S. 37-42), которые у немецкого читателя вызовут раздражение, возникли на фоне «ландшафта памяти» США, в котором имелись один центральный и многочисленные децентрализованные мемориалы Холокоста, музеи и исследовательские центры, посвященные ему, но еще не было таких же учреждений для сохранения и изучения истории рабства или геноцида коренных американцев. Впрочем, это не означает, что перенос индивидуально-психического механизма на целые сообщества памяти, положенный в основу этого тезиса, является правдоподобным, но, по крайней мере, понятие «маскирующее воспоминание» здесь показалось бы менее абсурдным, чем в германском контексте.

Ротберг выступает за возможность «разнонаправленной памяти» об истории Холокоста, колониальных преступлений, трансатлантической работорговли и других массовых преступлений, подобных геноциду, и в то же время доказывает, что эти связанные между собой воспоминания существуют уже давно. Его материал взят не столько из исторических исследований, сколько из литературы и кино. Он выступает против предположения о неминуемой конкуренции воспоминаний и за возможность продуктивной динамики, в которой воспоминания и увековечивание памяти о различном

опыте насилия могут сосуществовать, пусть и не без трений, но также приводя в движение процессы инклюзии, интенсификации и расширения знаний. Память – это не игра с нулевой суммой, где увеличение на одной стороне обязательно ведет к уменьшению на другой. Неудивительно, что подобные мысли воспринимаются с большим интересом, особенно в этих областях, которые занимаются вопросами памяти о Холокосте во всё более разнообразном иммиграционном обществе.

Применительно к периоду с 1950-х по 2000-е годы Ротберг на различных примерах, в том числе весьма убедительных, разбирает вопрос о том, как воспоминания о Холокосте и критическое изучение колониальных преступлений и расизма были и остаются связанными друг с другом. Основное внимание уделяется 1950-м и 1960-м годам, таким авторам, как Ханна Арендт, Эме Сезер, У.Э.Б. Дюбуа, Андре Шварц-Барт и Шарлотта Дельбо. В начале автор дифференцированно рассматривает аргументы (иногда настораживающие), посредством которых Ханна Арендт в 1950-х годах в работе «Истоки тоталитаризма» связала историю насилия при национал-социализме с европейским империализмом. Ротберг противопоставляет это совершенно другому по аргументации, но написанному почти в то же время тексту «О колониализме» писателя карибского происхождения Эме Сезера, который также связывал между собой насилие национал-социализма с насилием колониализма. Как показывает Майкл Ротберг, память и анализ уничтожения евреев и колониальных преступлений уже в 1950-е годы были «разнонаправленным» образом связаны между собой. При этом автор не рассматривает вопрос о том, на каком уровне исторических знаний в те годы постулировалась эта связь. Обстоятельную главу посвящает он короткому тексту У.Э.Б. Дюбуа «Негр и Варшавское гетто», опубликованному в 1952 году. Под впечатлением от посещения руин Варшавского гетто американский интеллигент и борец за гражданские права был вынужден переосмыслить проблему «цветовой линии» и связать ее с историей европейских евреев. Текст, появившийся в (коммунистическом) еврейском журнале в США, настолько хорошо вписывается в тезисы Ротберга о взаимно плодотворной связи памяти о Холокосте и критического осмысления расизма и колониальных преступлений, что интерпретация здесь кажется немного преувеличенной.

Ротберг рассматривает 1961 год с разных сторон как исторический момент, который был центральным как для истории деколонизации, так и для памяти о Холокосте. Его тезис: глубокие изменения, которые в том году произошли в восприятии уничтожения евреев, не были (как обычно предполагается) исключительно следствием суда над Эйхманом, а явились в равной степени следствием опыта колониального и расистского насилия, особенно в контексте Алжирской войны и ее последствий во Франции. Автор показывает, как благодаря событиям в Алжире и во Франции, таким как массовое убийство алжирских демонстрантов в Париже 17 октября 1961 года, актуализировалась память о преступлениях немецких оккупантов и каково было взаимное влияние и взаимное обострение дебатов вокруг этих двух исторических событий. Ротберг отправляется на поиски едва различимых следов и связей, которые могут обогатить, а в некоторых случаях и поколебать канонизированные презумпции истории памяти. Сохранит ли его тезис свою силу за пределами Франции, покажут, как можно надеяться, дальнейшие исследования; вопросы и примеры Ротберга в любом случае вдохновляют.

На их фоне тем большее недовольство вызывает вторая часть его аргументации: он представляет дело так, будто суд над Эйхманом и шокирующий эффект свидетельств выживших узников были спланированы израильским правительством. Тем самым он полностью отрицает собственную динамику этого события (S. 211-215). Свидетельские показания трактуются им как «аффективный клей» (S. 213) для идеологии сионизма. Текст Ротберга колеблется – и не только здесь – между политическим памфлетом и анализом. Снова и снова он изо всех сил старается поколебать тезис об исторической

уникальности (сегодня скорее сказали бы: беспрецедентности) Холокоста – тезис, который не позволяет поставить это преступление на одну доску с другими преступлениями, каких было много в истории насилия. Именно в этом для Ротберга главное, здесь он видит источник иерархии жертв и соперничества между ними, равно как и вполне корректно описанного в историческом плане пренебрежения колониальными преступлениями в общественном сознании бывших колониальных и рабовладельческих государств.

Принципиально важно, что Ротберг не вступает в событийно-историческое обсуждение специфики убийства евреев национал-социалистами и представляет дело так, будто всё это вопрос исключительно мемориальной политики и дискурсов памяти. Если рассматривать «тезис о сингулярности» Холокоста в качестве центральной проблемы, как это делает Ротберг, то нельзя так облегчать себе задачу. Для тезиса об исторической беспрецедентности Холокоста есть веские основания. К ним относится, в частности, тот факт, что национал-социалисты преследовали евреев с рвением к уничтожению, нацеленным на каждого отдельного человека в Европе, определяемого как еврей, независимо от личных качеств и конкретных обстоятельств. Эта абсолютная воля к уничтожению является исторически беспрецедентной, как с точки зрения истории события и замысла преступников, так и с точки зрения истории опыта жертв. Те историки, которые с 1950-х годов пытались понять и показать специфику истории национал-социалистического уничтожения евреев, делали это не для того, чтобы маргинализировать жертв других геноцидов и массовых преступлений. Но если сегодня беспрецедентный характер Холокоста необоснованно используется как аргумент против того, чтобы замечать и признавать другие группы жертв, то следует именно это и обсуждать, а не создавать с помощью постоянных колких замечаний впечатление, будто требование учета особенности Холокоста с точки зрения событийной истории является политически мотивированным аргументом, который не может быть обоснован научно. Беспрецедентность Холокоста представляет собой такую теоретическую проблему для тезисов Ротберга, с которой он оказывается не в состоянии справиться. Тем не менее, автор приводит и ряд важных доводов, которые требуют обсуждения.

Ротберг, ссылаясь на целый ряд недавно вышедших работ, обвиняет исследования Холокоста, постулирующие его историческую уникальность, в европоцентризме. На фоне действий колониальных держав и рабовладельцев, пишет он, многие из преступлений, описываемых как уникальные, выглядели бы как радикализация уже известных за пределами Европы практик (S. 133-140). Указание на слепые зоны и ограниченное пространство, в котором рассматривается история уничтожения европейских евреев, вполне оправдано. Это относится и к такому центральному для исследования Холокоста и памяти о нем концепту, как «разрыв цивилизации» Дана Динера (о котором Ротберг только упоминает, но в редакционном послесловии к немецкому изданию книги он обстоятельно обсуждается, S. 31, 364ff.).¹ Возникает вопрос: не заложен ли в этом концепте Динера неадекватный тезис, будто «цивилизация» ни в чем не повинна и геноцидные преступления ей чужды? Если европейская цивилизация могла веками игнорировать массовые преступления, совершенные ею же самой за пределами Европы, то что означает термин «разрыв» применительно к Холокосту? Может быть, разрыв заключался в том, что этот геноцид, в отличие от всех предыдущих, произошел в центре Европы и был направлен против европейцев, воспринимаемых как «цивилизованные»? Или – как спрашивает Ротберг со ссылкой на Эме Сезера (и в итоге дает отрицательный ответ, S. 109-118) – дело было в «рикошете», т. е. в шокирующем возвращении в центр Европы того экстремального насилия, которое было совершено в колониях? Нередко можно встретить такое использование этого

¹ Vgl. Dan Diner, Zwischen Aporie und Apologie. Über Grenzen der Historisierbarkeit der Massenvernichtung, in: Babylon. Beiträge zur jüdischen Gegenwart 2 (1987), S. 23–33.

концепта Динера, в котором недостаточно отрефлексированы бездны, скрытые в понятии «цивилизация». Однако сам Дан Динер вывел данный концепт из того факта, что с точки зрения жертв, которые вынуждены были стать свидетелями своего полного уничтожения, произошло нечто, выходящее за горизонт мыслимого: разрыв цивилизации как «разрушение онтологической безопасности».² Вопрос о том, может ли нечто подобное относиться и к восприятию колонизированными народами преступлений, совершавшихся против них, долгое время не задавался.

Уточнение понятия «разрыв цивилизации», сформулированное Динером много лет спустя и с учетом колониализма и деколонизации, подчеркивает «абсолютно антирациональное поведение нацистов»³, как его воспринимали жертвы Холокоста. Это затрагивает другой центральный момент аргументации Ротберга против тезиса о сингулярности: он ставит под вопрос связанные с этим тезисом презумпции касательно рациональности и иррациональности. Долгое время для обоснования тезиса о сингулярности Холокоста утверждалось – тут использовались различные понятия, – что истребление евреев – в отличие от всех других геноцидов – было глубоко «иррациональным», «антирациональным» или «не-утилитаристским». Среди прочего Ротберг рассматривает обсуждение колониальной калькуляции затрат и выгод и (пост-)утилитаризма в различных работах Ханны Арендт, на которые позже историки Холокоста будут ссылаться снова и снова, не обращаясь, однако, к парадоксам, которые она продемонстрировала (S. 74-81). Он цитирует Иегуду Бауэра: «Геноцид армян, который, возможно, является самой близкой параллелью к Холокосту, имел политические и шовинистические мотивы, то есть имел фактическую основу [...]. Армяне [...] занимали часть территории Анатолии [...]. Именно поэтому их следовало ликвидировать.»⁴ Подобные утверждения использовались и продолжают использоваться в отношении колониальных преступлений: при всей своей чудовищной жестокости, они, тем не менее, были основаны на рациональных мотивах (жажда прибыли, военная стратегия, великодержавные амбиции), что отсутствовало в национал-социалистическом истреблении евреев, которым двигал иррациональный, бредовый антисемитизм. Ротберг справедливо задается вопросом, как здесь определяется рациональность и какие цели мы готовы считать еще хоть как-то разумными и обоснованными. Эта полемика должна быть продолжена как в плане теории и истории понятий, так и на основе дальнейших эмпирических исследований контекстов массового насилия, поддерживаемого государством. Книга Ротберга, написанная местами весьма извилистым стилем, вызывает в равной степени и интерес, и недовольство – и, следовательно, является не худшей основой для дальнейшего обсуждения этих важных вопросов.

Перевод с немецкого: Наталия Алушкина (Natalia Alushkina)
Редакция перевода: Кирилл Левинсон (Kirill Levinson)

² Dan Diner, *Gegenläufige Gedächtnisse. Über Geltung und Wirkung des Holocaust*, Göttingen 2007, S. 14.

³ Ebd., S. 13.

⁴ Yehuda Bauer, *Die dunkle Seite der Geschichte. Die Shoah in historischer Sicht. Interpretationen und Re-Interpretationen*, Frankfurt am Main 2001, S. 69, zit. nach Rothberg, *Multidirektionale Erinnerung*, S. 77.

Zimmermann, J.: Tannenberg 1914. Der Erste Weltkrieg in Ostpreußen. Berlin/Boston: De Gruyter; Oldenbourg, 2021. – 287 S. – ISBN 978-3-11-073438-6.

Циммерманн, Д.: Танненберг 1914. Первая мировая война в Восточной Пруссии. Берлин; Бостон: Де Грюйтер / Ольденбург, 2021. – 287 с. – ISBN 978-3-11-073438-6.

Рецензент / Rezensent:
Леонтий Ланник / Leontij Lannik

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2023-00015>

Неоднократно подчеркиваемый недостаток работ по истории всех фронтов Великой войны кроме Западного особенно рельефно выглядит благодаря выходу первого в германской историографии по-настоящему современного исследования о наиболее весомой, с точки зрения ее воздействия на массовое сознание и политическую судьбу немцев XX века, операции 1914 года – о битве при Танненберге.

Разумеется, к этим событиям обращались не раз, особенно к созданному на основе событий в Восточной Пруссии военно-политическому мифу¹. Однако данная работа призвана стать «не еще одной», как сетовал создатель наиболее востребованной до сих пор версии Д. Шовалтер, а во многих отношениях первой по избранной тематике. Автор Д. Циммерманн, сотрудник центра военной истории и социальных наук бундесвера (ZMSBw), ставшего в ФРГ уникальным центром «чистых» военно-исторических исследований, сразу же доказывает насущную необходимость возвращения к исследованию и собственно военной составляющей истории Танненберга, мифологизированной ничуть не менее ее политических последствий. Во введении к работе убедительно продемонстрировано, что ставшая на Западе классической версия событий, созданная на основе масштабных усилий Рейхсархива в 1920-1930-х гг., по-настоящему критическому переосмыслению не подвергалась, что выглядит почти парадоксальным, с учетом яростных дискуссий внутри германской военной элиты, в том числе с участием основных фигурантов тех событий – Г. фон Франсуа, М. Гофмана, Э. Людендорфа и, опосредованно, П. фон Гинденбурга.

С первой же главы книги автор начинает вводить в оборот ряд до сих пор не вызывавших должного внимания специалистов источников, хранящихся ныне в Военном архиве во Фрайбурге, где удалось собрать существенную часть фондов Рейхсархива, долгое время считавшихся утраченными. Д. Циммерманн достаточно редко пользуется полковыми историями германской армии, хотя это зачастую весьма подробные и уникальные описания событий максимальной детализации. Зато в работе масса ссылок на более чем общие англоязычные работы – Б. Такман, Д. Кигана, Н. Стоуна. При всем уважении к авторам этих обзорных трудов в работе, претендующей на предельно строгое соблюдение тематических рамок (куда не попали даже многочисленные бои на границах Восточной Пруссии между 5 и 16 августа 1914 г.), стоило бы уделять большее внимание специальным исследованиям. Примечательно активное обращение автора к публицистике 1930-х гг., в т.ч. работам И. фон Кюренберга, Р. Бате, Э. Бухфинка, К фон Веннингера, Р. фон Верта и В. фон Роршайдта (в совокупности – около сотни ссылок), использование которых способно парировать любую критику устоявшихся стереотипов времен Веймарской республики. Недалеко от них ушли и труды современных «глорификаторов» германского полководческого гения Ф. Уле-Веттлера и В. Фенора, например.

¹ См., напр.: *Hoegen von J. Der Held von Tannenberg: Genese und Funktion des Hindenburg-Mythos. Köln; Weimar, 2007.*

Автор ставит или придает необходимое значение вопросам организации и технического обеспечения ведения боевых действий в эпоху индустриальных войн, что можно только приветствовать. В рамках современной гуманистической парадигмы он пытается противодействовать многочисленным клише относительно «отсталости и темноты русского солдата» и прочих «неотъемлемых черт русского характера» (С. 59 и далее), однако в этом благом намерении ему сильно мешает слабое знакомство с опубликованными источниками, особенно с солдатскими письмами².

Глава «Бои на Севере» (С. 71-149) проявляет основной лейтмотив работы: стремление сопоставить «базовую версию» (*Meistererzählung*) и историческую действительность, что в ряде эпизодов позволяет автору обнаружить нестыковки и откровенные передергивания в до сих пор некритически воспринимаемой картине событий авторства Рейхсархива. Жаль только, что многие из ссылок на архивы объясняются неосведомленностью о публикации текстов этих документов (например, у В. Эльце), а борьба с прежней версией (авторства в основном Т. фон Шэфера) приводит к игнорированию действительно профессиональных работ германских генштабистов «ценой» ссылок едва ли не на памфлеты. Прекрасно разобранные аспекты (о смене командования 8-й армии, например, С. 92-110) являются следствием не свежего взгляда современного автора, а подготовкой этих сюжетов к разработке еще сотрудниками Рейхсархива, собравшими необходимые обширные материалы. Таким образом, заслуга Д. Циммерманна сводится к преодолению непростительно долгой инерции «политической повестки», не позволившей даже косвенно подорвать миф о Танненберге в годы не только до смерти Гинденбурга летом 1934 г., но и после этого, вплоть до мрака забвения, вызванного трагедией Второй мировой войны. В несколько меньшей степени то же касается параграфа о трагедии беженства (С. 120-143), где автору на помощь пришла капитальная работа Ф. Гаузе 1930-х гг.³ Можно только приветствовать то, что Д. Циммерманн (вслед за Гаузе) вносит заметный вклад в преодоление одной из составляющих прежнего военно-политического мифа, связанных с гротескными предубеждениями в адрес России и русской армии.

Основная глава – «Бои на Юге» (С. 150-226), большая часть которой посвящена собственно битве при Танненберге, играет решающую роль для оценки общего уровня работы. Необычайно сложная и совершенно не отвечающая клише о «гениально задуманных Каннах» динамика событий требует тщательной проработки обстоятельств принятия основных решений, выявления кризисных моментов и воздействия ряда случайностей, а также пристального внимания к последовательности событий и расположению действующих сил. Автор, по-видимому, ставил перед собой такие задачи, однако их реализация была определена особенностями его исследовательской манеры. Ее воздействие в основной части позволяет сделать вывод о глубине проделанного исследования в целом.

Весомым недостатком работы Д. Циммерманна является почти полное отсутствие русскоязычной историографии битвы при Танненберге, причем сразу всех периодов за истекшее столетие. Немногочисленные использованные переводы (из первого поколения литературы о Восточно-Прусской операции) и знакомая явно поверхностно (и по указанию коллег) современная историография (особенно ценной является работа С. Г. Нелиповича⁴) совершенно не меняют вывода о почти полностью одностороннем взгляде на сражение, за критический пересмотр которого намеревался взяться автор. Перечисление неиспользованной литературы и давно опубликованных источников потребовало бы изрядной монографии⁵, а общее положение с выходом исследователя из «языковой зоны

² См., напр.: Письма с войны 1914-1917 / Сост. А. Б. Асташов, П. А. Симмонс. М., 2015.

³ Die Russen in Ostpreußen 1914/15 / im Auftrage des Landeshauptmanns der Provinz Ostpreußen bearbeitet von Dr. Fritz Gause. Königsberg, 1931.

⁴ Нелипович С.Г. Русский фронт Первой мировой войны: потери стороны 1914 г. М., 2019.

⁵ Представление о степени уникальности набора источников и литературы, получившегося у Д. Циммерманна, а также о том, как следует подбирать литературу по исследованию боевых действий в

комфорта» напоминает худшие традиции советской публицистики о германском милитаризме. Сам автор свое нежелание прилагать соответствующие усилия объясняет так: «...в российском дискурсе Первой мировой войны это сражение по-прежнему не играет почти никакой роли, что с одной стороны следует объяснить историческим путем развития России и связанной с ним политизацией истории, а с другой тем, что Танненберг изначально оказался там поставлен в куда более широкий контекст» (С. 21), – то есть прямо противоречит основной мысли романа А. И. Солженицына, без немецкого перевода которого попытки Циммерманна описать сражение превратились бы в «бой с тенью» с германской точки зрения.

Для попыток автора дать необходимое общее представление о военном потенциале Российской империи, о личностях русских военачальников, включая великого князя Николая Николаевича (С. 32-37 и далее) зависимость от не бесспорного подбора необходимой литературы имеет роковые последствия. Оценка логики действий русского Верховного Главнокомандования была бы корректна только при более тщательном изучении хода кампании в Галиции, а также военно-политической обстановки на южных границах Российской империи, что нетрудно обнаружить в современной российской историографии, автором не использованной⁶. С учетом высокой квалификации сотрудников Центра военной истории бундесвера, явной заинтересованности его руководства и помощи коллег (особенно М. Пёльманна⁷ и Л. Граве⁸) подобные изъяны выглядят более чем странными. Автор занимался исследованием Танненберга – судя по публикациям – около десятилетия⁹. Указание на пристрастность российской и советской историографии едва ли может оправдать отказ от использования крупнейшего сборника документов по истории Восточно-Прусской операции (более 600 страниц!)¹⁰. Довольно заметны допущенные неточности относительно германской армии, например, автор полагает, что 17-й армейский корпус дислоцировался в Восточной Пруссии (а не в Западной) (С. 36), путает кадровые и резервные дивизии (неоднократная путаница насчет 1-го резервного корпуса, см. стр. 110, напр.). Совершенно забывает он при обсуждении соотношения сил (повторяя «приемы» германской историографии Генерального штаба) о целом ряде подчиненных 8-й армии соединений, в т.ч. о Ландверном корпусе и многих крепостных частях, о поступавших в ходе операции подкреплениях и проч. Не нашлось в его описании места для боя под Каушеном, где 19 августа была разгромлена – ценой огромных потерь русской гвардейской кавалерии – бригада германского ландвера, что возымело эффект на исход сражения под Гумбиненом. Недооценил Д. Циммерманн подвиги и кайзеровских солдат и офицеров, в т.ч. при обороне Лётцена (хотя отметил недооценку его важности, С. 167-169) и при отражении под Нейденбургом (С. 215-216) и Ортельсбургом попытки деблокирования окруженных русских корпусов. Приведенные автором в конце книги беглые очерки событий сентября-октября 1914 г. на Восточном фронте призваны дать представление о стратегических последствиях Танненберга. Однако для этого недостаточно использование одной из аналитических записок на эту тему,

Восточной Пруссии могут дать 2 Интернет-страницы, где бесплатно предоставляется доступ к литературе, обязательной для ознакомления всем специалистам по истории кампании 1914 г. на Восточном фронте: grwar.ru; <https://prussia.online>.

⁶ См., напр.: *Айрапетов О.Р.* Участие России в Первой мировой войне: в 4 кн. М., 2014-2016.

⁷ *Pöhlmann M.* Kriegsgeschichte und Geschichtspolitik: Der Erste Weltkrieg. Die amtliche deutsche Militärgeschichtsschreibung 1914-1956. Paderborn u.a., 2002.

⁸ *Grawe L.* Deutsche Feindaufklärung vor dem Ersten Weltkrieg: Informationen und Einschätzungen des deutschen Generalstabs zu den Armeen Frankreichs und Russlands 1904 bis 1914. Paderborn, 2017.

⁹ См., напр.: *Zimmermann J.* Von den operativen und erinnerungsgeschichtlichen Dimensionen eines Raumes. Die Schlacht von Tannenberg 1914 als Paradebeispiel räumlicher Inszenierung // *Militärgeschichtliche Zeitschrift*. 2014. (73). S. 349-365.

¹⁰ Правда, за более широкий хронологический промежуток, включающий последующее сражение на Мазурских озерах: Восточно-Прусская операция: сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914-1917 гг.). М., 1939.

подготовленной некогда Х. фон Тишовицем, а необходимы специальные работы, которых вполне достаточно в фондах Рейхсархива.

Ознакомление с финальными рассуждениями автора об общей панораме сражения (С. 244-260) вызывает ощущение, что вопросов осталось по-прежнему значительно больше чем ответов. С рядом высказанным автором предположений и соображений стратегического уровня можно дискутировать, однако их оценка складывается из перечисления «белых пятен» работы. Заметно уклонение автора от разбора важнейших психологических нитей Танненберга, связанного с особенностями отношений Э. Людендорфа и Г. Мольтке-младшего, с ролью кайзера в принятии рокового решения о спасении Восточной Пруссии за счет подкреплений с Западного фронта в разгар решающих сражений, с характером Г. фон Франсуа, деформировавшего прямые приказы командования, конфликтом самолюбий едва ли не всех ключевых игроков и т.д. Ускользнуло и немало иных деталей насчет расстановки и комплектования сил противоборствующих сил, ведь насчет русской армии автор вслед за предшественниками из Рейхсархива исходит из априорного убеждения в полной укомплектованности по штатам и потому оперирует арифметическими выкладками без всякого критического к ним подхода. Поэтому Д. Циммерманн не просто не опровергает, а без колебаний транслирует одну из несущих опор мифа о Танненберге: бездоказательную уверенность в тотальном численном превосходстве русских армий над 8-й германской армией, причем даже каждой из них по отдельности. То же следует отметить и насчет его критики русской авиации и кавалерии (С. 48-51 и далее), вполне заслуженной, но весьма деформированной отсутствием «незамеченных» совершенно аналогичных явлений у германских коллег, не говоря о широко известном факте слабой подготовки кайзеровской полевой артиллерии.

Крупное достижение работы – использование материалов Рейхсархива, некогда обработанных, но затем по различным причинам не нашедшим себе места в созданной официальной версии Танненберга – оказывается релятивизировано при сравнении списка использованных источников с электронным каталогом Военного архива во Фрайбурге¹¹. Д. Циммерманн сузил рамки своих усилий до наиболее очевидных фондов, хотя следовало бы провести должный анализ и наследия генералов и офицеров, сражавшихся при Танненберге, которое могло бы дать более широкую палитру мнений и версий нежели те выписки и копии документов, что были собраны еще Г. фон Гирлем, Т. фон Шэфером и Г. фон Хефтенем, а спустя почти столетиегодились автору данной работы (например, ему хватило сделанных в 1920-е гг. выписок из дневника О. фон Белова, хотя во Фрайбурге есть и полная версия мемуаров этого генерала). Именно поэтому с точки зрения военной истории «Танненберг» современной версии отличает странное сочетание эпизодов и граней, описанных детально и с действительно ценными наблюдениями, и тех кризисов, флуктуаций и очень неоднозначных ситуаций, которые автор не почти не описывает и не разбирает вопрос о причинах их последующего затухания. Стремление к критике прежних конструкций, вызванных спецификой «историографии Генерального штаба», не нашло целостного воплощения, ведь военный историк, разбирая ход мифологизированного сражения, должен был бы задуматься и над проблематикой искажения потерь, но никакой ревизии устоявшихся данных (С. 219-220, 225-226) в этой работе нового поколения о Танненберге обнаружить невозможно. Относительно потерь армии Самсонова Д. Циммерманн просто воспользовался подсчетами С. Г. Нелиповича.

Явно недостаточное знакомство с необходимыми источниками и литературой, и даже с тематическими Интернет-порталами¹², а главное – отказ от выхода за не всегда корректно поставленные тематические рамки заметно снижают уровень столь необходимой для развития историографии работы. Ее ценность подорвана полным отсутствием необходимого для любых выводов компаративного анализа, хотя бы двух армий,

¹¹ Особенно фонда RH 61: <https://invenio.bundesarchiv.de/invenio/main.xhtml>.

¹² См., напр. лучший онлайн-справочник по кайзеровской армии, как довоенного периода, так и в годы Великой войны: https://wiki.genealogy.net/Milit%C3%A4r/Formationsgeschichte/Deutschland/Erster_Weltkrieg.

сошедшихся на полях Восточной Пруссии (не говоря о более широком контексте различных аспектов первой кампании Великой войны). Это приводит к тому, что исследование, имевшее все шансы на достижение заявленных целей – переосмысление, спустя век, военно-политического мифа о Танненберге как образце полководческого искусства кайзеровского генералитета, – в действительности оказывается лишь очередной редакцией старой версии, которая главным образом подкрепляет и транслирует базовые основания мифа, а не деконструирует их в пользу обретения подлинно нового (или намеренно забытого) знания. Остается лишь надеяться, что за счет активных усилий российских историков удастся дополнить стремление Д. Циммерманна к преодолению инерции представлений межвоенного периода и открыть подлинно новую страницу в историзации битвы при Танненберге, стоившей германской и российской монархиям значительно более тронов их властителей.

Central and Eastern Europe after the First World War / ed. by B. Olschowsky, P. Juskiewicz, J. Rydel. Transl. by S. Patey. Berlin; Boston: De Gruyter; Oldenbourg, 2021. – 436 p. – ISBN 978-3-11-059715-8.

Центральная и Восточная Европа после Первой мировой войны / Под ред. Б. Ольшовского, П. Юшкевича, Я. Риделя. Пер. С. Пати и др. Берлин; Бостон: Де Грюйтер, Ольденбург, 2021. – 436 с. – ISBN 978-3-11-059715-8.

Рецензент / Rezensent:
Леонтий Ланник / Leontij Lannik

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2023-00014>

Одним из финальных результатов длинной серии научных публикаций, посвященных столетнему юбилею эпохи Великой войны, стал сборник материалов международной конференции, прошедшей в посольстве Словакии в Берлине еще зимой 2018 г. За последующие три года научные кураторы этого форума смогли подготовить поистине парадное издание на английском языке. По-видимому, оно станет одной из визитных карточек нового поколения историографии, связанной с проблематикой «Более Великой», а то и – по выражению известного специалиста Д. Винтера¹ – «Второй Первой мировой» войны. Во многом основу для общей концепции данной конференции заложила базовая монография польских исследователей В. Бородзея и М. Гурного, вышедшая еще в 2016 г. и быстро переведенная на другие языки².

Структура сборника повторяет расстановку 6 панелей конференции, посвященных перипетиям ряда военно-политических конфликтов, истории идей, региональной истории, социально-экономической истории, психологическим последствиям войны и особенностям исторической памяти. Этому предшествует обширная (около 70 страниц крупного формата) вступительная статья составителей издания и программные тезисы Д. Винтера о необходимости переосмысления восточноевропейских процессов трансформации в 1917-1923 гг. в более масштабном контексте, в том числе за счет компаративного анализа с происходившим в Западной Европе, также страдавшей от взрыва насилия, тяжелейших социально-экономических потрясений и ломки идеалов и представлений.

Всего в «Центральной и Восточной Европе» почти 400 страниц текста в 25 статьях авторов из не менее 10 стран исследуемого макрорегиона. Это исследователи различных поколений, от маститых классиков (А. Зуппан и упоминавшийся Д. Винтер, например) до начинающих и ранее едва ли известных за пределами национальных школ специалистов. Тем ценнее оказываются многие высказываемые и порой небесспорные оценки и мнения, зачастую бывшие недоступными по языковым причинам (особенно это касается ряда венгерских или румынских сюжетов). Их важность только возрастает также из-за сохраняющейся, несмотря на последовательные усилия профессионального сообщества, «западноцентричности» общих представлений о Великой войне как таковой и о ее последствиях и итогах для всей планеты. По-видимому, отдельные фактологические неточности (о гражданской войне в Белоруссии, продолжавшейся и в 1922 г., например) или упрощения вызваны стремлением составителей не провоцировать излишние дискуссии

¹ См., напр.: *The Great War in History: Debates and Controversies, 1914 to the Present* / ed. by J. Winter, A. Prost. Cambridge, 2020.

² См.: *Borodziej W., Górny M. Der vergessene Weltkrieg. Europas Osten 1912-1923: 2 Bde* / aus dem Poln. von B. Hartmann. Darmstadt, 2018.

из-за чувствительных нюансов ради консенсуса по более существенным вопросам надрегионального уровня.

Тематические рамки статей достаточно разнообразны. Хотя преобладают популярные в европейской и американской науке case-studies, однако есть и работы по ставшим уже классическими общим проблемам (например, статья Б. Ольшовски о Ленине, Вильсоне и лозунге самоопределения наций). Характерна сдержанность в освещении чрезвычайно болезненных совсем еще недавно межнациональных конфликтов, в том числе между Венгрией и почти всеми ее соседями; Польшей и Литвой и т.д. Так как региональные сюжеты всегда специфичны, то авторам позволили выходить за общие хронологические рамки (до 1914 и до начала 1930-х гг., соответственно). Не стали настаивать составители и на жесткой трактовке географического понятия «Восточная Европа», так что теряется ее граница с Южной Европой, зато находится место Закавказью. Неоднородность сборника видна и по научно-справочному аппарату, который варьируется – в зависимости от тематики и особенностей академического подхода автора – от двух десятков до двух сотен сносок (при сопоставимых объемах текста статьи).

Бросается в глаза определенный «межимперский» мотив в подборе тематики статей и избранных авторами перспектив рассмотрения событий 1917-1923 гг. Это обладает определенными преимуществами, хотя многие из рассматриваемых исследователями процессов благодаря этому лишаются имперской логики, в которой они развивались под диктатом как Центральных держав, так и в особенности Антанты и в меньшей степени Советской России. Отсутствие в собираемой мозаике национальных взглядов в российской, австро-германской и турецкой перспективах выглядит нарочитым. Но даже при принципиальном отказе от включения в общую панораму позиции именно «титulyных наций» следовало бы безусловно отказаться и от венгерской части статей, получившейся весьма представительной. В этом отношении не бесспорным выглядит и присутствие итальянских сюжетов, в том числе о конфликте вокруг Риеки (Фиуме). Возможно указать и на другие заметные лакуны (Молдавия и Латвия, в известной степени Чехия и т.д.) в пестрой палитре событий в Центральной и Восточной Европе, так что остается надеяться на то, что они вызваны скорее организационными, а не политическими причинами. Разумеется, всякое издание конечно по объему, а потому любые пробелы в наборе рассмотренных сюжетов являются более обоснованием для последующих подобных проектов, чем критическим недостатком данного сборника.

Большим достоинством представленного издания является не только его красочность, иллюстративность, наглядные приложения и общее высокое качество полиграфии, но и целый ряд детализированных карт, многие из которых вводятся или возвращаются авторами в международный научный оборот, заполняя существенный недостаток картографических материалов к целому ряду рассматриваемых в сборнике территориальных конфликтов. Несмотря на крайнюю популярность в последние 2 десятилетия исследования агитационных материалов эпохи Великой войны³ большинству читателей несомненно незнакомы многие из представленных в данной книге открыток, архивных фотографий, плакатов, почтовых марок и т.д. Это повышает не только научную, но и учебную значимость издания, которое стоило бы приобрести многим специализированным ВУЗам и научным центрам.

Сборник статей по итогам столь представительной конференции является существенным вкладом в дальнейшее развитие нового взгляда на Великую войну в Восточной Европе. Он закрепляет назревавшие в течение предшествующего десятилетия перемены в трактовке многих событий. Эта публикация способствует дальнейшей международной апробации выдвинутых в различных странах тезисов об особенностях финала Первой мировой войны в странах, охваченных гражданскими войнами, заставляет задуматься о неочевидной ранее хронологии этого процесса. «Центральная и Восточная

³ См., напр.: *Медяков А.С.* Война формата 9x14. Открытки в немецкой «культуре войны» 1914-1918 гг. М., 2021.

Европа» демонстрирует завидные успехи в дальнейшей подлинной историзации не только драмы Великой войны, но и не менее трагического ее эпилога. Опубликование результатов работы международных форумов может и должно стать одним из важных инструментов к преодолению клише с вековой историей, связанных с Версальским миром, соотношением имперского и национального, к созданию более целостных представлений о межвоенном периоде мировой истории.

Kurt Freiherr von Lersner: Hinter den Kulissen von Oberster Heeresleitung und Reichsleitung: Erinnerungen 1914–1920 / hrsg. von W. Baumgart. Paderborn: Brill Schöningh, 2022. – 486 S. – ISBN 978-3-506-79116-0.

Курт барон фон Лерснер: за кулисами Верховного Главнокомандования и руководства империи: Воспоминания 1914-1920 / Сост. В. Баумгарт. Падерборн, 2022. – 486 с. – ISBN 978-3-506-79116-0.

Рецензент / Rezensent:
Леонтий Ланник / Leontij Lannik

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2023-00013>

Несмотря на десятилетия огромной работы по публикации важнейших исторических источников по истории Германии в годы Великой войны и межвоенной эпохи германские архивы по-прежнему хранят материалы, опубликование которых остро необходимо для дальнейшего развития историографии. В этом убеждает серия публикаций В. Баумгарта, одной из которых стал вышедший в 2022 г. сборник воспоминаний К. барона фон Лерснера «За кулисами Верховного Главнокомандования и руководства империи». До сих пор эта фамилия была известна лишь тем исследователям, что активно работали с документами Политического архива МИД Германии (РА АА), однако и они едва ли считали представителя кайзеровского дипломатического ведомства при Верховном Главнокомандовании сколько-нибудь значимой фигурой в событиях 1914-1918 гг. Более 400 страниц публикуемых мемуаров – при всех оговорках насчет особенностей жанра и понятного стремления мемуариста подчеркнуть личный вклад – убеждают в обратном: значение многих деятелей второго, а то и третьего плана совершенно напрасно недооценивалось. К истории «королей и полководцев» давно добавили историю повседневности, так что взгляд «снизу» едва не заслонил панораму событий от ключевых исторических деятелей. Но к этой контрастной картине необходимо добавить и голос тех, кто оставался в тени, но едва ли уступал первым лицам в остроте понимания происходящего и пытался воздействовать на события на тех постах, что давали немалые возможности.

Еще очень молодой (к началу Великой войны ему шел 31-й год) Курт фон Лерснер оказался на одной из самых сложных должностей. Он обязан был обеспечивать хотя бы минимальное взаимопонимание между военным и политическим руководством Кайзеррейха, блокируя наиболее опасные импульсы германской Ставки (ОХЛ), все чаще стремившейся к установлению диктатуры вопреки конституционному устройству Германской империи. Резкое недовольство не только рейхстагом, но и дипломатами со временем только нарастало, вызвав серию острых политических кризисов. Их детальное исследование до сих пор было возможным лишь отчасти, но теперь воспоминания Лерснера добавляют массу подробностей к якобы столь хорошо известным событиям 1914-1920 гг. Содержатся в них и бесценные нюансы личного характера (особенно в серии портретных зарисовок о Карле I Габсбурге, Т. фон Бетман-Гольвеге, кайзере, генерале Г. фон Секте, царе Фердинанде Болгарском и т.д. (см., напр., С. 128-133, 418-430), сведения о многих альтернативах, что рассматривались и в правительстве, и в ОХЛ. Знакомство с записками представителя ведомства на Вильгельмштрассе (АА) при Ставке добавляет немало драматизма в описание отчаянного германского рывка к победе в Великой войне, особенно в последней ее кампании.

Профессор В. Баумгарт обладает огромным опытом публикатора и вот уже несколько десятилетий остается крупнейшим специалистом по военно-политической истории

Германии на исходе Великой войны. Поэтому он не ограничился изданием основной редакции воспоминаний, созданной около 1930 г., а добавил в качестве приложения написанные Лерснером уже в 1944 г. главы новой версии мемуаров, касающиеся событий 1918 г. Ведь они существенно отличаются в оценках многих деятелей Кайзеррейха, порой столь откровенных, что 15 годами ранее, в напряженном общественно-политическом климате Веймарской республики, да еще и кадровый дипломат просто не мог себе такого позволить (С. 11). Финал его дипломатической карьеры на посту атташе по культуре в посольстве в Турции сопровождался интернированием, которое предоставило опытному дипломату возможность переосмыслить опыт нескольких десятилетий поистине закулисной политики. По-видимому, Лерснер собирался впоследствии переработать «веймарскую» книгу своих воспоминаний, добавив в нее размышления и по итогам Второй мировой войны, однако этому помешал более чем активный финал его жизни: недолгий американский плен, активное сотрудничество с оккупационными администрациями и с К. Аденауэром, весьма содействовавшее первым шагам на пути к будущему Евросоюзу. Ранняя смерть (на 61-м году жизни, в 1954 г.) не позволила бывшему дипломату приоткрыть завесу над 25 годами его труда на благо Германии. Разумеется, многие из поворотов на этом пути: дипломат – депутат рейхстага – посредник между Ф. фон Папеном и А. Гитлером – почти изгнанник в связи с расистскими «Нюрнбергскими законами» – организатор секретных консультаций между США и Третьим рейхом в Турции – Лерснер не смог бы предать огласке и в 1950-х гг., и много позже. Буквально несколько лет он не дожид до начала решающей «битвы историков» вокруг работ Ф. Фишера, которая позволила бы Лерснеру вернуть из забвения свои публикации о Версальском мире и виновности в войне, вышедшие еще в начале 1920-х гг., но почти не востребованные в потоке острых кризисов и глобальных перемен середины XX в.

Во вступительной статье (С. 9-34) В. Баумгарт дает емкую характеристику особенностям публикуемого источника, как содержательным, так и стилистическим, специально останавливаясь на особенно важных (например, Брест-Литовская мирная конференция) или сквозных (взаимоотношения с Людендорфом) сюжетах. Особый интерес для специалистов представляют главы воспоминаний, касающиеся работы комиссии по перемирию на рубеже 1918-19 гг., а затем пребывания германских дипломатов на Парижской мирной конференции. До сих пор и в мировой, и в германской, а тем более в русскоязычной историографии данные события описывались почти исключительно с точки зрения Антанты. На русском языке пока не опубликовано ни одного описания событий в Спа и Версале в конце 1918 – начале 1920 гг. от германского их актора. Да и на немецком языке воспоминания об этом до сих пор практически отсутствовали, ведь – по объективным причинам – написано их было очень немного. Слишком многие из германских политиков, военных и дипломатов не захотели или не успели (как М. Эрцбергер или граф У. фон Брокдорф-Ранцау) зафиксировать свою версию событий. Тем большую ценность приобретают в такой источниковой ситуации публикуемые воспоминания К. фон Лерснера. Исключительная важность проведенной В. Баумгартом работы подчеркивается и тем фактом, что до сих пор архивным фондом бывшего представителя АА при Ставке исследователи почти не пользовались. Работы Х. Мюльайзена¹ не нашли достаточного отклика в историографии, как и многие другие диссертации биографического характера.

Основная часть мемуаров (С. 37-433) начинается с известия об убийстве в Сараево, однако целый ряд оговорок по тексту и особенно подготовленный публикатором научно-справочный аппарат позволяют составить некоторое представление о и довоенной карьере Лерснера. Весьма важным является и описание автором его работы в Генеральном штабе и специальных миссий военно-дипломатического характера в 1914-1916 гг., особенно с учетом до сих пор господствующего в историографии и совершенно не оправданного

¹ *Mühleisen H.D.* Kurt Freiherr v. Lersner. Diplomat im Umbruch der Zeiten 1918-1920. Eine Biographie. Diss... Marburg, 1984 (Göttingen, 1988). На машинописной транскрипции воспоминаний Лерснера, сделанной Х. Мюльайзеном, и основывался при публикации В. Баумгарт.

жесткого противопоставления германских военных («ястребов») и дипломатов («голубей»). Лерснер – один из показательных примеров того, как в сравнительно короткий период один и тот же человек являлся представителем обоих якобы антагонистических группировок, не меняя при этом ни базовых своих убеждений, ни представлений о будущем Германии. Количество сообщаемых им деталей хода совещаний, судьбоносных решений и личных конфликтов таково, что сопоставление версии Лерснера с описаниями других мемуаристов потребовало отдельного анализа, целой серии тематических статей.

Хорошо сознавая значимость любых фальсификаций относительно событий последнего года существования германской монархии, Лерснер и приступил в Стамбуле в 1944 г. к повторному описанию кампании 1918 г. (С. 433-466), однако довел его лишь до конца октября, завершив лишь очередную тетрадь, но не полный том своих будущих воспоминаний. Примерно в те же месяцы в огне бомбардировок погибла значительная часть оставшегося на родине архива дипломата, так что версия мемуаров начала 1930-х гг. уцелела едва ли не случайно. Впоследствии, на развалинах Третьего рейха подробности краха Второго казались уже не столь актуальными, однако это вполне объяснимое ощущение современников начала «холодной войны» никак не оправдывает столь затянувшегося пути к читателю воспоминаний барона фон Лерснера.

Мемуары при всей неоднородности их темпа и манеры написаны хорошим литературным слогом, варьируют по своей стилистике от сборника придворных и штабных анекдотов до чуть ли не протокольных заметок важнейших совещаний. Публикатор допустил лишь совсем незначительное сокращение текста, опустив откровенно описательные фрагменты, уместные разве что в травелоге. И наоборот: о некоторой лапидарности записей Лерснера в отдельные периоды его работы в 1914-1920 гг. остается лишь пожалеть. Нет сомнений в том, что при жгучем интересе к событиям 30-40-летней давности, что был проявлен по обе стороны «железного занавеса» в 1960-х гг., бывший представитель АА при Ставке смог бы легко расширить свое повествование, припомнив (или сочинив) целый ряд эксклюзивных деталей. Однако о многих инцидентах (включая «пломбированный вагон») К. фон Лерснер продолжал молчать, даже сознавая, что уносит многие тайны XX в. в могилу. В этом он был, едва ли зная об этом наверное, очень похож на К. Рицлера². Здесь сказывался этический выбор не только кадрового дипломата, но и офицера германского Генштаба.

Наследие Лерснера представляет собой ценнейшее дополнение к тем воспоминаниям и дневникам, что уже давно стали основой для представлений о повседневной жизни и кругозоре военно-политической элите Германской империи в последние годы ее существования³. Можно лишь пожелать, чтобы очередной результат многолетней систематической работы В. Баумгарта по публикации важнейших архивных материалов личного происхождения⁴ занял подобающее ему место, войдя в круг обязательного ознакомления и активного цитирования всеми специалистами по истории германской внешней политики от Сараево до Версаля. Человек, одним из первых подписавший этот определяющий для современного мира документ, лишь спустя столетие получил возможность занять полагающееся ему место в истории.

² Издание мемуаров Р. фон Кюльмана получилось посмертным: *Kühlmann R.v. Erinnerungen*. Heidelberg, 1948. Примеры роковой для будущих историков «молчаливости» германских дипломатов можно продолжить.

³ Здесь достаточно привести пример дневник А. фон Мюллера и материалы из наследия К. Рицлера: *Regierte der Kaiser? Kriegstagebücher, Aufzeichnungen und Briefe des Chefs des Marine-Kabinetts Admiral Georg Alexander von Müller 1914–1918*. Göttingen; Berlin; Frankfurt, 1959; Kurt Riezler. *Tagebücher, Aufsätze, Dokumente* / hrsg. von K.-D. Erdmann. Göttingen, 1972.

⁴ Важнейшим из недавних достижений на пути реконструкции необходимого корпуса документов по истории позднее Кайзеррейха следует полагать: *Reichskanzler Theobald von Bethmann-Hollweg 1909-1921. Rekonstruktion seines verlorenen Nachlasses* / hrsg. und bearb. von W. Baumgart: 2 Tlbd. B., 2021.

Reckwitz, Andreas; Rosa, Hartmut: Spätmoderne in der Krise. Was leistet die Gesellschaftstheorie? – Berlin: Suhrkamp, 2021. – 310 S. – ISBN: 978-3-518-58775-1

Реквиц, Андреас; Роза, Хартмут: Поздний модерн в кризисе. Для чего нужна теория общества? – Берлин: Зуркамп, 2021. – 310 с. – ISBN: 978-3-518-58775-1

Рецензент / Rezensent:

Олег Кильдюшов / Oleg Kildyushov

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2023-00012>

Рецензируемая здесь книга написана звездным дуэтом ведущих современных немецких социальных теоретиков – профессором общей социологии и культурсоциологии Берлинского университета имени Гумбольдта *Андреасом Реквицем* и профессором общей и теоретической социологии Йенского университета имени Фридриха Шиллера, директором Коллегиума культурологических и социологических исследований имени Макса Вебера Эрфуртского университета *Хартмутом Розой*. О первом социологе автор этих строк уже кратко информировал читателей данного журнала рецензий в прошлом году¹, поэтому здесь нужно сказать несколько слов и о втором выдающемся социальном ученом.

Х. Роза получил образование в области политологии, философии и германистики в знаменитом Фрайбургском университете, который он окончил с отличием в 1993 году. Свою первую докторскую диссертацию исследователь защитил в 1997 году в Берлинском университете им. Гумбольдта на тему культурной идентичности в политической философии Чарльза Тейлора². После этого он работал научным сотрудником в университетах Мангейма и Йены, и в последнем защитил в 2004 году вторую докторскую на тему социального ускорения и изменения временных структур в эпоху модерна³. Далее Х. Роза преподавал политическую теорию/политологию в университетах Дуйсбурга-Эссена и Аугсбурга, пока не получил в 2005 году приглашение в Йенский университет, где и занял свою нынешнюю должность. Ученый неоднократно приглашался в качестве исследователя и профессора в престижные зарубежные университеты – Лондонскую школу экономики, Гарвардский университет, Новую школу социальных исследований в Нью-Йорке и др.

Исследовательские интересы профессора Розы лежат на стыке социальной философии, социологической теории и политической науки и связаны с такими тематическими полями, как теория модерна и диагноз современной эпохи, критика общества⁴ и демократии⁵, теории субъекта и идентичности, а также теория ускорения⁶,

¹ Кильдюшов О. В. Рецензия на книгу: Reckwitz, Andreas: Das Ende der Illusionen: Politik, Ökonomie und Kultur in der Spätmoderne. – Berlin: Suhrkamp, 2019 // Rezensionen zur internationalen Forschung zur russischen und deutschen Geschichte – Rezensionsreihe des DHI Moskau. 2021. T. 12. См.: https://perspectivia.net/servlets/MCRFileNodeServlet/pnet_derivate_00005054/Kildyushov_Reckwitz.pdf

² Rosa H. Identität und kulturelle Praxis. Politische Philosophie nach Charles Taylor. Dissertation. Frankfurt am Main/New York: Campus, 1998.

³ Rosa H. Beschleunigung. Die Veränderung der Zeitstrukturen in der Moderne. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2005.

⁴ Dörre K., Lessenich S., Rosa H. Soziologie – Kapitalismus – Kritik: Eine Debatte. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2009.

⁵ Becker K., Ketterer H. (Hrsg.) Was stimmt nicht mit der Demokratie? Eine Debatte mit Klaus Dörre, Nancy Fraser, Stephan Lessenich und Hartmut Rosa. Berlin: Suhrkamp, 2019; Rosa H. Demokratie braucht Religion. München: Kösel, 2022.

⁶ Rosa H. Weltbeziehungen im Zeitalter der Beschleunigung. Berlin: Suhrkamp, 2012; Rosa H. Beschleunigung und Entfremdung – Entwurf einer kritischen Theorie spätmoderner Zeitlichkeit. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2013.

получившая со временем название «социологии отношения к миру» или теория резонанса⁷. Его работы получили широкое признание в рамках профессионального сообщества социологов и были переведены на 15 языков. К сожалению, среди них пока нет русского – интересующемуся отечественному читателю остается обращаться к рецензиям на отдельные труды немецкого мыслителя в российских социологических журналах.⁸ Сочинения Х. Розы отмечены многочисленными немецкими и иностранными премия и наградами, включая самую значимую и крупную по размеру призового фонда (до 2,5 млн евро) премию Немецкого исследовательского сообщества имени Готфрида Вильгельма Лейбница.

Обсуждаемая здесь книга двух социальных мыслителей состоит из четырех неравных частей: 1) совместного введения, 2) написанного А. Реквицем раздела «Теория общества как инструмент» (S. 23-150), 3) написанного Х. Розой раздела «Best Account. Набросок систематической теории современного общества» (S. 151-252), а также 4) развернутого интервью с обоими социологами на тему «Модерн и критика» (S. 253-312). Как говорит само ее название и заголовки двух главных частей, в центре внимания соавторов находится социально-научный инструментарий, с которым приходится работать ученым во времена социальных изменений и серьезных кризисов. Главный вопрос здесь заключается в принципиальной способности современной теории осмыслить общество как целое, исследовать его структурные элементы и выявить динамику или даже предложить пути выхода из проблемной ситуации. При этом Андреас Реквиц и Хартмут Роза в своем анализе опираются на собственные амбициозные, но сильно отличающиеся варианты теории общества, с разными акцентами в понимании позднего модерна. В данной книге теоретики вступают в критический диалог, представляя собственное видение будущего социального знания. Они оба исходят из того, что анализ модерна как особой социальной формации должен находиться в центре интереса социологии, всерьез относящейся к своей задаче просвещения общества относительно его самого. Однако даже понятийный язык соавторов указывает на разные теоретические перспективы: Реквиц постоянно говорит о социальных практиках, контингентности и сингулярности, тогда как Роза подчеркивает значимость ускорения, усиления и резонанса.

В этом смысле издание, в котором подчеркивается непреходящая значимость эксперимента для социальной теории, само носит экспериментальный характер сознательного столкновения двух иначе артикулированных общественно-теоретических подходов. При этом выбор темы соавторы объясняют во введении возросшим интересом общественности к большой картине настоящего, предлагающей не только социологическому сообществу, но и широкой публике глубокий концептуальный синтез идей, образов и метафор, который позволит лучше понять нашу эпоху (S. 11). Одновременно они фиксируют заметное сокращение внимания внутри самой социологии к масштабному анализу позднего модерна. Отчасти это объясняется ими усиливающейся ориентацией дисциплины на конкретные эмпирические исследования отдельных кейсов, а также постмодернистской критикой «больших нарративов», объявившей архаичными и неприемлемыми любые попытки анализировать все то, что выходит за пределы локального и ограниченного во времени и пространстве.

⁷ Rosa H. Resonanz: Eine Soziologie der Weltbeziehung. Inhaltsverzeichnis. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2016.

⁸ Например, см.: Катаев Д.В. Новая критическая теория или аналитический эмпиризм? // Социологическое обозрение. 2020. № 19 (3). С. 426–449. См.:

https://sociologica.hse.ru/data/2020/09/30/1369188736/SocOboz_19_3_426-449_Kataev.pdf; Катаев Д.В.

Макс Вебер и Новая критическая теория Хартмута Розы: актуализация классики // Социология власти. 2020. № 32 (4). С. 146–166. См.:

https://socofpower.ranepa.ru/files/docs/4_2020/6.pdf?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru

А. Реквиц в своей части книги рассматривает теории прежде всего как инструмент – как для дальнейших эмпирических исследований, и для широкой общественности. Для него инструментальный характер общественной теории проявляется в ее способности вдохновлять внутри и вне научного сообщества. В этом смысле социальная теория как инструмент не является замкнутой и универсальной понятийной системой, а представляет собой набор тех или иных подходов, подходящих для адекватного анализа определенных общественных феноменов. Таким образом, социологические теории – это всегда лишь один из возможных подходов среди других. Например, модерн может пониматься как буржуазное общество в духе Карла Маркса или как развитие системы современного индивидуализма в духе Георга Зиммеля. При этом существующие интерпретации современных обществ должны пониматься не как конкурирующие, а как дополняющие друг друга версии современной социальной реальности. В этом проявляется принципиальная многозначность разных теоретических языков, образующих своеобразные сетевые структуры, с возможными переходами от одного концепта к другому, в зависимости от большей их релевантности тому или иному исследуемому предмету.

Примечательно, что Реквиц отличает социальную теорию от теории общества. Первая разрабатывает понятия, в которых схватывается социальное – как, например, в понятиях практики, коммуникации или власти (S. 29). Вторая претендует на нечто большее и стремится к разработке общей теории общественных изменений и глобальных взаимосвязей, начиная с самых ранних человеческих обществ и до наших дней (S. 33). Такая теоретическая рамка проецируется далее на нынешнее состояние общественного развития, для которого характерны напряжения, конфликты и противостояния, способные привести к значительным изменениям. Теоретически все становится возможным – Реквиц говорит здесь об открытии и закрытии контингентности социального. Далее он говорит о напряжении в модерне между рационализацией и эстетизацией, между логикой всеобщего и стремлением к особенному. В результате возникает типичная для эпохи временная гибридная форма переживания настоящего как радикального нового. В этом смысле социальная теория сама является продуктом модерна, поскольку лишь современные общества приносят вместе с собой потребность в истолковании самих себя и своих исторических предшественников и в изучении собственных структурных признаков. Особенно А. Реквица здесь интересует последняя стадия современности, которую он называет поздним модерном. Однако это обозначение не является чисто темпоральной категоризацией, а выступает характеристикой нового уровня общественного развития обществ Запада. Исследователь фиксирует начало данного периода в 1970-е годы, когда происходит переход от предшествующей стадии индустриального модерна, обладавшего совершенно иной структурой.

Х. Роза выделяет внутри систематической теории современного общества три уровня анализа: 1) уровень анализа современной социальной формации, 2) уровень диагноза и критики рассинхронизации и отчуждения, 3) уровень терапевтической разработки альтернативного горизонта с целью стабилизации и достижения резонанса. Если анализ заключается в прояснении важнейших структурных признаков обществ модерна, то диагноз нацелен на выявление тупиковых вариантов развития, функциональных нарушений и патологий (S. 177). Метафора терапии обозначает попытку поиска в рамках теории выхода из диагностированного кризиса. Прежде всего речь идет о феномене постоянного роста – современные общества должны все время расти, прежде всего экономически, и этот императив роста по-прежнему является для них не только доминирующим, но и как бы безальтернативным. Современное общество, говорит социолог, характеризуется тем, что для сохранения своей структуры оно вынуждено не просто расти, но и постоянно ускоряться и заниматься инновациями (S. 174). Для объяснения этого феномена ученый вводит структурный принцип «динамической стабилизации» (S. 260). При этом он также различает между ранним, высоким и поздним модерном, что означает для него различные уровни динамизации общественного развития. В позднем модерне, т.е. в нашем настоящем,

процессы социальных изменений ускорились настолько, что они принимают интрагенерационный (внутрипоколенческий) характер. Это означает следующее: еще в высоком модерне различия в горизонте опыта носили в основном трансгенерационный (межпоколенческий) характер, сейчас же процессы изменений ускоряются внутри границ одного поколения, размывая тем самым контуры самих поколений и границы между ними. Это обстоятельство отражается удачной формулой стабилизирующей динамики, когда лишь перманентные изменения удерживают целостность сегодняшних общества и парадоксальным образом делают возможным их теоретизацию в качестве социального единства.

В завершающей книгу беседе соавторов с выступившим в качестве интервьюера редактором издательства Suhrkamp Мартином Бауэром знаменитые социологи еще более точнее формулируют свои позиции, отмечая как частичное сходство высказываемых мнений, так и принципиальное отличие базовых исследовательских установок. Такое прямое самопрояснение поможет многим читателям их предыдущих работ лучше разобраться в сложных моментах современных социологических конструкций. Остается надеяться, что эта книга – целиком или в фрагментах – вызовет интерес отечественных издателей, которые сделают ее доступной и для русской публики.

Pohlig, Matthias; Pollack, Detlef (Hrsg.): Die Verwandlung des Heiligen: Die Geburt der Moderne aus dem Geist der Religion. – Wiesbaden: Berlin University Press, 2020. – 472 S. – ISBN: 9783737413343

Полиг, Матиас, Поллак, Детлеф (изд.): Превращение священного: рождение модерна из духа религии. – Висбаден: Издательство Берлинского университета, 2020. – 472 с. – ISBN: 9783737413343

Рецензент / Rezensent:

Олег Кильдюшов / Oleg Kildyushov

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2023-00011>

Редакторами-составителями данного тома являются два известных специалиста в области социально-научных исследований религии. Профессор европейской истории Нового времени Берлинского университета имени Гумбольдта *Матиас Полиг* специализируется на истории Реформации и конфессионализации, теории истории¹, изучении дипломатии и шпионажа, а также истории идей и культуры раннего Нового времени². Он является автором многочисленных работ по европейской религиозной истории, прежде всего по истории лютеранства³, а также военной истории, прежде всего по Войне за испанское наследство⁴. Профессор социологии религии Вестфальского университета Мюнстера имени Вильгельма *Детлеф Поллак* специализируется на изучении институциональных аспектов церковной жизни, социологии культуры и политической социологии ГДР. Его перу принадлежат труды по социологии религии в перспективе теории систем Никласа Лумана⁵, исследования религиозных изменений в Восточной Германии⁶, политической культуры и ценностей⁷, а также по теории секуляризации⁸. В

¹ Pohlig M. Theorie in der Geschichtswissenschaft. Einblicke in die Praxis des historischen Forschens Campus-Verlag, Frankfurt am Main u. a. 2008.

² Pohlig M. u. a. Alteuropa – Vormoderne – Neue Zeit. Epochen und Dynamiken der europäischen Geschichte (1200–1800). Berlin: Duncker & Humblot, 2012

³ Pohlig M. Zwischen Gelehrsamkeit und konfessioneller Identitätsstiftung. Lutherische Kirchen- und Universalgeschichtsschreibung 1546–1617 Tübingen: Mohr Siebeck, 2007; Pohlig M. (Hrsg.). Reformation. Basistexte Stuttgart: Steiner, 2015;

⁴ Pohlig M. Marlboroughs Geheimnis. Strukturen und Funktionen der Informationsgewinnung im Spanischen Erbfolgekrieg. Köln: Böhlau, 2016; Pohlig M., Schaich M. The War of the Spanish Succession. New Perspectives. Oxford: Oxford University Press, 2018.

⁵ Pollack D. Religiöse Chiffrierung und soziologische Aufklärung: die Religionstheorie Niklas Luhmanns im Rahmen ihrer systemtheoretischen Voraussetzungen. Frankfurt/M., Bern, New York, Paris: Lang, 1988; Pollack D. Kirche in der Organisationsgesellschaft: zum Wandel der gesellschaftlichen Lage der evangelischen Kirchen in der DDR. Stuttgart: Kohlhammer, 1994.

⁶ Hartmann K., Pollack D. Gegen den Strom: Kircheneintritte in Ostdeutschland nach der Wende. Opladen: Leske + Budrich, 1998; Findeis H. Pollack D. (Hrsg.) Selbstbewahrung oder Selbstverlust: Bischöfe und Repräsentanten der evangelischen Kirchen in der DDR über ihr Leben; 17 Interviews. Berlin: Links, 1999; Pickel G., H. Pollack D. (Hrsg.) Religiöser und kirchlicher Wandel in Ostdeutschland 1989–1999. Opladen: Leske + Budrich, 2000.

⁷ Pollack D. Politischer Protest: Politisch alternative Gruppen in der DDR. Opladen: Leske und Budrich, 2000; Pollack D. u. a. (eds.). Democratic Values in Central and Eastern Europe. Frankfurt (Oder): Institute for Transformation Studies, 2004; Pollack D., Jan Wielgohs (eds.). Dissent and Opposition in Communist Europe. Aldershot: Ashgate, 2004; Pollack D. u. a. (Hrsg.). Osteuropas Bevölkerung auf dem Weg in die Demokratie: Repräsentative Untersuchungen in Ostdeutschland und zehn osteuropäischen Transformationsstaaten. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2006; Pollack D. Das unzufriedene Volk. Protest und Ressentiment in Ostdeutschland von der friedlichen Revolution bis heute. Bielefeld: Transcript, 2020.

⁸ Pollack D. Säkularisierung – ein moderner Mythos? Studien zum religiösen Wandel in Deutschland. Tübingen: Mohr, 2003; Pollack D. Rückkehr des Religiösen? Studien zum religiösen Wandel in Deutschland und in Europa II.

последние годы он опубликовал много работ именно о роли религии в эпоху модерна⁹, за одну из которых был удостоен премии имени Карла Поланьи¹⁰.

Для авторов рецензируемого здесь тома исходным является знаменитый рамочный вопрос Макса Вебера, поставленный им в «Предварительных замечаниях» к своему Собранию сочинений по социологии религии (1920): «Дитя современной европейской культуры неизбежно и обоснованно рассматривает проблемы всемирной истории, исходя из следующей постановки вопроса: какое сцепление обстоятельств привело к тому, что именно на Западе, и только здесь, возникли такие явления культуры, которые развивались — по крайней мере, как мы склонны себе представлять — в направлении, получившем *универсальный* смысл и значимость?»¹¹. При этом редакторы-составители книги Поллиг и Поллак отмечают во введении значительное снижение интереса социальных ученых к вопросу о происхождении мира модерна, некогда стоявшему в центре творчества Вебера и других классиков социологии. Они даже говорят о некотором «стеснении» сегодняшних исследователей в области социальных и гуманитарных наук, в основном избегающих работать с длительными историческими перспективами и большими нарративами. Одновременно они признают, что сам веберовский вопрос о природе современного мире не потерял ни своей привлекательности, ни эвристической силы. Однако авторы тома не решаются предложить прямой ответ на этот вечно актуальный вопрос исторической социологии модерна, а ставят перед собой более скромные исследовательские задачи: определить саму ситуацию, в которой оказывается современная наука, заново ставящая перед собой старые неразрешенные вопросы классики. При этом их также в первую очередь интересует роль религии в формировании современного мира, в том числе в сравнении с другими факторами — например, наукой или экономикой. Таким образом, сборник адресован всем интересующимся большими темами истории идей и социальной истории.

Задаваясь вопросом о роли религии в возникновении мира современного, т.е. западного типа, исследователи неизбежно приходят к проблематике генеалогии мышления человека модерна. В этом смысле речь в книге идет о фундаментальном исследовании социокультурных оснований собственной мысли и самого научного мировосприятия. Как показывает содержание книги, выбор названия обусловлен не просто возвращением к идеям Макса Вебера или чисто маркетинговым расчётом на привлечение читателя провокативным заголовком. Приведенные в томе результаты междисциплинарных исследований однозначно подтверждают интуиции классиков: несмотря на секулярное самопонимание модерна, уже давно проникшее и в массовые представления, современный человек не настолько просвещен, рационален и секулярен, как кажется ему самому. Выявление исторически конкретных линий развития, разрывов и полутонов позволяет более реалистично реконструировать путь в модерн, начавшийся в Новое время именно из сферы религиозного мышления.

Структурно книга состоит из четырех содержательных разделов, а также крайне содержательного программного введения *М. Полига* и *Д. Поллака*, фиксирующих текущее состояние и степень изученности проблемы религиозного генезиса модерна. Первая часть сборника посвящена теме значимости религии в раннее Новое время, носит проблематизирующий подзаголовок «На пути к модерну?» (S. 27-54) и состоит из двух религиоведческих работ. Автором первой публикации является американский историк *Брэд С. Грегори*, профессор элитного католического Университета Нотр-Дама. Ее тема звучит довольно провокационно: «Сдерживая христианство, изобретая религию: эпоха

Tubingen: Mohr, 2009; Gabriel K., Gärtner Ch., Pollack D. (Hrsg.) Umstrittene Säkularisierung, Soziologische und historische Analysen zur Differenzierung von Religion und Politik. Berlin: Berlin University Press, 2012.

⁹ Pollack D., Olson D. V. (eds.). The Role of Religion in Modern Societies. New York/London: Routledge, 2008; Pollack D. u.a. (Hrsg.). Moderne und Religion: Kontroversen um Modernität und Säkularisierung. Bielefeld: Transcript, 2012.

¹⁰ Pollack D., Rosta G. Religion and Modernity: An International Comparison. Oxford University Press, 2017.

¹¹ Вебер М. Предварительные замечания / Пер. с нем. М. И. Левиной // Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.: РОССПЭН, 2006. С. 7. – Перевод исправлен нами.

Реформации и западная секуляризация». В ней он подчеркивает аспект зарождающегося модерна в деятельности Мартина Лютера. Он показывает, что великий реформатор своими титаническими усилиями – непреднамеренно – сильно поспособствовал религиозному плюрализму в Европе, который сохраняется до сих пор. Именно эта новая духовная ситуация в конечном счете привела к отделению церкви от государства и стала основанием ключевой для модерна идеи толерантности к чужим взглядам. В другой статье авторства американского историка-религиоведа *Карлоса М. Н. Эйре*, профессора Йельского университета, речь также идет о связи Реформации и модерна – «Протестантизм, разочарование и рождение модерна: переоценка». В ней исследователь помещает поворотную точку западной истории в эпоху Реформации, приведшую к десакрализации мира с помощью базовых принципов протестантизма, прежде всего через его отказ от веры в чудеса.

Вторая часть книги посвящена Просвещению как ключевой эпохи для формирования новых, уже вполне современных форм отношения к религии (S. 57-136). В нее вошли три работы: профессор-литературовед из Университета Галле-Виттенберг *Даниэль Фульда* представил исследование на тему «Улучшение мира, предупреждение опасности или экзистенциальное усиление? Секулярные и религиозные ожидания будущего в фазу формирования модерна»; ректор Научного колледжума Берлина, историк *Барбара Штольберг-Рилингер* выступила автором статьи «Дело рук дьявола и божественное участие? Католическая конфессионализация и католическое Просвещение как факторы модернизации»; завершает раздел исследование Альбрехта Бойтеля, профессора церковной истории Вестфальского университета Мюнстера имени Вильгельма – «Модерн как проекция и проблема протестантизма».

В третью, самую объемную часть сборника под программным названием «Что такое модерн и как он возник?» (S. 139-356) вошли 6 социологических и философских работ о сущности и генезисе модерна. Их авторов интересует прежде всего роль религии в функциональном разделении западного общества. Открывает раздел статья известного вебероведа *Томаса Швина*¹², профессора Института социологии имени Макса Вебера Гейдельбергского университета имени Рупрехта и Карла. Ее тема – «Осевое время, спор об инвеституре, Реформация: религиозная история модерна». Во второй публикации социолога *Рудольфа Штихве*, профессора Боннского университета, исследуется вопрос о том, каков «Вклад религии в возникновение функционально дифференцированного общества». Здесь ученый показывает, что религиозный смысловой комплекс с его большим разнообразием социальных ролей (священник, целитель, мудрец и т.д.) выступал в качестве матрицы для общественной дифференциации таких сфер, как медицина, наука, и искусство. В продолжение рамочной темы раздела один из составителей тома, мюнстерский социолог религии *Д. Поллак* указывает на конфликты между религиозной и мирской властью, церковью и обществом как источник общественного развития, приведшего с конца 18 века к отделению церкви от государства. При этом отделились и стали независимыми от религии и такие сферы, как право, естествознание и мораль.

Наряду с большими линиями реконструкции религиозного генезиса модерна отдельный интерес в сборнике представляют более частные наблюдения, сделанные на материале конкретных кейсов. Таковые содержатся в статье *Вольфганга Людвиг Шнайдера*, профессора общей социологии Университета Оснабрюка. Ее тема: «Религия как привратник? – Домодерные предпосылки раннемодерной науки: европейское и арабомусульманское развитие в сравнении». Исследователь описывает условия, приведшие к отличному формированию научного мышления в европейском пространстве по сравнению с соседним крупным культурным кругом. В качестве фактора подобного развития он определяет рецепцию в Европе 13 века аристотелевской натурфилософии, ставшей

¹² См. отклик рецензента на одну из работ профессора Швина в предыдущем выпуске данного журнала рецензий:

https://perspectivia.net/receive/pnet_mods_00004677

определяющей для подготовки «научно-рационального мышления» в последующие столетия. Здесь примечательно то, что арабо-исламская культура, обладавшая значительным превосходством в научной сфере, позднее утратила его в силу преобладания в исламе юридических моментов над абстрактным рассуждением.

Четвертая часть тома называется «Противоположные перспективы» и посвящена проблематике научной и хозяйственной истории (S. 359-454). В нее вошли еще четыре работы. Первая из них написана историком *Каспаром фон Грейерцом*, почетным профессором Университета Базеля, на довольно экзотическую тему – «Физикотеология (1650 – около 1750): созидание или секуляризация? – Размышления о более конструктивном историографическом подходе». Здесь ученый исследует такой крайне интересный продукт истории мысли, как физикотеология. В ее рамках предпринимались попытки путем включения физикалистского мышления в теологию продвигать антропоцентрично-утилитаристский взгляд на природу, в котором бог рассматривался как рациональная сущность. Развивает тему вторая статья раздела «Пуританизм и естествознание: Коттон Мэзер», которую написал историк *Кристофер Фойгт-Гои* из Института европейской истории имени Лейбница. В третьей публикации *Штефан Горисен* исследует взаимосвязь конфессиональной ориентации и экономической рационализации на материале рейнско-вестфальских предпринимателей в до- и ранне-индустриальную эпоху. Тем самым он средствами исторической науки прямо подключается к дискуссии вокруг широко обсуждаемого в социологии тезиса Макса Вебера о протестантских корнях капиталистической трудовой этики. Замыкает раздел обзор на тему «Религия в долгосрочном экономическом развитии Европы: 1500-1900», подготовленный *Ульрихом Пфистером*, профессором социальной и хозяйственной истории из Вестфальского университета Мюнстера имени Вильгельма.

Том завершается итоговым комментарием философа *Людвига Зина*, в котором еще раз обсуждаются перспективы различных дисциплин на вопрос о связи религии и модерна. Данный сборник, представляющий собой результаты оригинальных размышлений и специальных исследований, обсуждавшихся на тематической конференции, позволяет заинтересованному читателю значительно углубить свои знания о генезисе современного мира из духа религии.

Joas, Hans: Die Macht des Heiligen. Eine Alternative zur Geschichte von der Entzauberung. – Berlin: Suhrkamp Taschenbuch Wissenschaft, 2019. – 543 S. – ISBN: 978-3-518-29903-6.

Йоас, Ханс: Власть священного. Альтернатива для истории расколдовывания. – Берлин: Зуркамп Ташенбух Виссеншафт, 2019. – 543 с. – ISBN: 978-3-518-29903-6.

Рецензент / Rezensent:

Олег Кильдюшов / Oleg Kildyushov

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2023-00010>

Автором рецензируемой здесь книги является известный немецкий социальный философ и социолог Ханс Йоас, ныне почетный профессор теологического факультета Берлинского университета имени Гумбольдта и приглашенный профессор социологии Университета Чикаго. Его перу принадлежат многочисленные труды в области социальной теории¹, социологии религии и ценностей современного мира², социологии войны и насилия, а также исследования различных социологических школ, прежде всего прагматизма³ и символического интеракционизма. Если ранние работы Х. Йоаса были посвящены общетеоретическим проблемам социальных ролей⁴, intersубъективности⁵ и социального действия⁶, то в последующем центр его исследовательского интереса сдвигается к более конкретно-историческим темам – войне и истории насилия 20 века⁷, секуляризации как феномену модерна⁸, правам человека как продукту западного духовного развития⁹ и перспективам христианства в сегодняшнем постсекулярном мире¹⁰.

За свои выдающиеся интеллектуальные достижения ученый был отмечен многими престижными наградами и премиями, в том числе от Фонда имени Александра Гумбольдта, Немецкого социологического общества и Общества Макса Планка. Кроме того, профессор Йоас является членом различных академий и почетным доктором нескольких университетов. Многие его труды переведены на иностранные языки, включая русский.

¹ Joas H., Knöbl W. Sozialtheorie. Zwanzig einführende Vorlesungen. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2004.

² Joas H. Die Entstehung der Werte. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1999.

³ Joas H. Pragmatismus und Gesellschaftstheorie. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992.

⁴ Joas H. Die gegenwärtige Lage der soziologischen Rollentheorie. Frankfurt am Main: Athenäum, 1973.

⁵ Joas H. Praktische Intersubjektivität. Die Entwicklung des Werks von George Herbert Mead. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1980.

⁶ Honneth A., Joas H. Soziales Handeln und menschliche Natur. Anthropologische Grundlagen der Sozialwissenschaften. Frankfurt am Main: Campus, 1980. (Studium-Reihe); Joas H. Die Kreativität des Handelns. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1996.

⁷ Joas H. Kriege und Werte. Studien zur Gewaltgeschichte des 20. Jahrhunderts. Velbrueck: Weilerswist, 2000; Joas H., Knöbl W. Kriegsverdrängung. Ein Problem in der Geschichte der Sozialtheorie. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2008; Joas H. Die lange Nacht der Trauer. Erzählen als Weg aus der Gewalt? Gießen: Psychosozial-Verlag, 2015.

⁸ Joas H. Braucht der Mensch Religion? Über Erfahrungen der Selbsttranszendenz. Freiburg i. Br.: Herder, 2004; Casanova J., Joas H. Religion und die umstrittene Moderne. Stuttgart: Kohlhammer, 2010. (Globale Solidarität – Schritte zu einer neuen Weltkultur; Bd. 19).

⁹ Joas H. Die Sakralität der Person. Eine neue Genealogie der Menschenrechte. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2011; Joas H. Sind die Menschenrechte westlich? München: Kösel, 2015.

¹⁰ Joas H. Glaube als Option: Zukunftsmöglichkeiten des Christentums. Freiburg i. Br.: Herder, 2012; Joas H. Kirche als Moralagentur? München: Kösel, 2016; Joas H. Warum Kirche? Selbstoptimierung oder Glaubensgemeinschaft. Freiburg i. Br.: Herder, 2022.

Так, отечественному читателю доступны несколько его статей¹¹ и интервью в российских социологических журналах¹², также переведены три его важные теоретические работы¹³.

Впервые книга «Власть священного» вышла в 2017 году в том же издательстве¹⁴. В ней Х. Йоас выдвинул амбициозную теоретическую альтернативу широко известному тезису Макса Вебера об усиливающемся расколдовывании мира вследствие начавшегося в эпоху Реформации процесса религиозной рационализации. Работа встретила заинтересованный отклик в виде развернутых рецензий внутри профессионального сообщества¹⁵ и статей в общенациональных немецких СМИ¹⁶. В этих отзывах обсуждалось как отношение ученого к знаменитой концепции классика социологии, так и его собственные предложения в области теории религии, особенно идею самотрансцендентности человека в эпоху модерна. Также медиа критически отреагировали на осторожный оптимизм профессора Йоаса относительно будущего религии в мире, который на наших глазах перестает быть секулярным в смысле привычных социологических диагнозов. При этом автор уже в вступительном слове к своей книге, – как бы предвосхищая скептическую реакцию со стороны фундаменталистов от социальной науки, – говорит о неприемлемой ситуации в современной интеллектуальной жизни, когда стало практически невозможно серьезное академическое обсуждение проблематики, связанной с религией вообще и христианством в частности, как и с теологией как культурно значимой областью знания или церковью как ключевым социальным институтом (S. 8).

В обсуждаемом здесь труде исследователь продолжает тематическую линию, начатую в его предшествующих работах, где также обсуждаются сложные и часто запутанные взаимоотношения между научным изучением религии и религиозной верой как жизненным принципом, например, самого ученого. Так, в книге «Вера как опция. Возможное будущее христианства» (2012) Х. Йоас уже обращался к критике теории секуляризации и ее последствиям для нынешнего понимания модерна и модернизации. При этом автор не отрицает очевидные феномены вроде сокращения значимости религии и церкви в секулярном мире, но лишь радикально ставит под вопрос историческую необходимость или неизбежность секуляризации. А в сочинении «Сакральность личности. Новая генеалогия прав человека» (2011) проблематизируется начавшаяся в конце 18 века тенденция к сакрализации «личности» в рамках современной истории прав и свобод. Эти вопросы обсуждаются им и в первых трех главах рецензируемой книги: «История религии как критика религии» (S. 25-60), «Религиозный опыт» (S. 61-110), «Ритуал и священное. К антропологии образования идеального» (S. 111-164). В этих разделах рисуется образ религии как исторически фундированного опыта человеческого обращения с тем, что воспринималось в качестве священного. По мнению исследователя, этот опыт укоренен в культурно опосредованной знаками психологии субъекта, воплощен в социальных практиках и не может быть редуцирован к индивидуалистически понимаемому личному переживанию священного.

¹¹ См., например: Йоас Х. Будущее христианства // Социологические исследования. 2009. №11. С. 78-88; Йоас Х. Макс Вебер и происхождение прав человека: исследование культурной инновации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т.14. №1. С.32-50; Йоас Х. К миру через демократию? // Социологические исследования. 2012. №6. С. 24-35.

¹² Ханс Йоас: «...если бы не существовало... социологии, то сейчас могла бы появиться идея изобрести ее...» // Социология: Научно-теоретический журнал. 2010. №3. С. 72-76; Интервью с профессором Хансом Йоасом // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т.14. №1. С. 5-31.

¹³ Йоас Х. Креативность действия. СПб.: Алетея, 2005.; Йоас Х., Кнёбль В. Социальная теория. 20 вводных лекций СПб.: Алетея, 2011; Йоас Х. Возникновение ценностей. СПб.: Алетея, 2013.

¹⁴ Joas H. Die Macht des Heiligen. Eine Alternative zur Geschichte von der Entzauberung. Berlin: Suhrkamp, 2017.

¹⁵ См., например: Schwinn Th. „Die Macht des Heiligen“ als eine Alternative zur Entzauberung? Zu Hans Joas' Religionstheorie // Berliner Journal für Soziologie. 2019. Vol. 29. P. 127–149.

¹⁶ Hans Joas im Gespräch mit Andreas Main // Deutschlandfunk. 19.10.2017: <https://www.deutschlandfunk.de/hans-joas-die-macht-des-heiligen-100.html>

В четвертой главе «Разнообразие способов образования идеального или процесс расколдовывания? Попытки синтеза у Эрнста Трельча и Макса Вебера» (S. 165-278) автор непосредственно обращается к идейному наследию Вебера и выявленной им истории расколдовывания. В ней он сопоставляет подходы двух выдающихся ученых, некоторое время даже живших в одном доме в Гейдельберге, к социологической систематизации накопленного исторического знания о религиозной динамике в контексте широко понимаемой истории духа, помещенной, в свою очередь, в обширную теоретическую рамку борьбы за власть. В отличие от большинства исследователей, обычно рассматривающих Трельча и Вебера как чуть ли не единомышленников, Ханс Йоас подчеркивает принципиальные различия в подходах двух классиков – причем как с точки зрения понимания ими самой истории религии, так и с точки зрения их диагноза современной эпохи и прогноза ее будущего развития. У них он фиксирует скорее альтернативные попытки теоретического синтеза. При этом для него историческая социология религии Э. Трельча, исходящая из эмпирического факта образования новых форм идеального в рамках христианства, оказывается историей сменяющих друг друга процессов сакрализации и десакрализации, в значительной степени связанных с историей государственной власти.

В пятой главе «Трансцендентность как рефлексивная сакральность. «Осевое время» как рубеж в истории религии» (S. 279-354) линия аргументации связана с традиционным различием между «примитивными» или «архаичными» религиями, которые продуктивно исследуются методами сравнительно истории, социальной психологии и этнологии, и подлинными религиями спасения или божественного откровения вроде иудаизма и христианства, принципиально отличными по своей социологической природе. Здесь автор исходит из тезиса, что возникший и ставший популярным в 20 веке дискурс «осевого времени» обращен к следующему центральному вопросу: в какой момент истории человечества, при каких условиях и с какими последствиями произошла фундаментальная трансформация в понимании священного, приведшая к столь значительному усилению рефлексивности понятия трансцендентного как принципиально отличного от всего земного, т.е. имманентного. Для Х. Йоаса в этом сдвиге определяющими следствиями являются десакрализация структур политической власти и социального неравенства. Он систематизирует существующие подходы в этой области знания, формулируя понятие рефлексивной трансцендентности как важного компонента собственной альтернативы для восходящей к М. Веберу истории расколдовывания.

В шестом разделе «Отношения напряжения. Новое толкование «Промежуточного рассмотрения» Макса Вебера» (S. 355-418) ученый указывает на проблематичность применения некоторых процессуальных понятий, которые он полемически называет «опасными». Конкретно речь идет о восходящем к Макс Веберу концепту рационализации, о заимствованном у Георга Зиммеля и Эмиля Дюркгейма понятии усиливающейся функциональной дифференциации и о все еще доминирующем в социальной науке понятии модернизации, возникшем в США еще после Второй мировой войны. Автор указывает на нерефлексивный характер использования такого рода терминов, одновременно предлагая новую интерпретацию знаменитого веберовского трактата «Промежуточное рассмотрение», примыкающего к первому тому «Собрания сочинений по социологии религии». Он пытается освободить классический текст от искажающих прочтений в духе теории дифференциации, показывая, что сам Вебер говорит о фундаментально отличных отношениях напряжения, возникающих в ходе религиозно-исторической динамики и несводимых к одному единственному знаменателю вроде рационализации или дифференциации. Данная итерация также является подготовительным моментом для формулировки Йоасом собственной теории священного как реконструкции процессов сакрализации.

Набросок этой теории дается в седьмой главе «Священное и власть. Коллективная самосакрализация и ее преодоление» (S. 419-488). В целом он восходит к предшествующим работам автора, однако здесь проект получает важный дополнительный элемент:

самосакрализация рассматривается как опасность, связанная со всякой сакрализацией. Из напряжения между представлениями о трансцендентности как рефлексивной сакральности и тенденциями к самосакрализации вырастает перспектива религиозной истории, в которой учитывается потенциал религий как с точки зрения критики власти, так и ее поддержки. Власть священного проявляется как в обосновании, так и в оспаривании притязаний политической власти, поскольку привязанность людей к пережитому ими религиозному опыту является одним из сильнейших мотивов социального действия. Х. Йоас подчеркивает значимость нового понимания истории религии, больше не ориентированного на уже привычный веберовский концепт расколдовывания, призывая к прояснению соотношения вопроса о научном изучении религии с вопросом об адекватном современности языку о вере.

Вся книга немецкого социального мыслителя о новом прочтении истории религии по ту сторону концепции расколдовывания мира пронизана пафосом освобождения от ложных самоочевидностей как со стороны социальной науки, так и со стороны верующих. Ученый надеется, что его размышления будут способствовать развитию новых способов артикуляции религиозной веры, сохраняющих при этом преемственность с духовной традицией, например, того же христианства. А секулярные умы он призывает распрощаться с привычными представлениями о неизбежности полной и окончательной секуляризации, не получивших проверку мировой историей.

Erstveröffentlichung der Rezension in deutscher Sprache auf H-Soz-Kult am 31.08.2022:
Публикация рецензии на немецком языке на H-Soz-Kult от 31 августа 2022 г.:

Anne Sophie Overkamp: Rezension zu: *Kaiser, Katja: Wirtschaft, Wissenschaft und Weltgeltung. Die Botanische Zentralstelle für die deutschen Kolonien am Botanischen Garten und Museum Berlin (1891-1920). Wien 2021. ISBN 978-3-631-84401-4*, In: H-Soz-Kult, 31.08.2022, <<https://www.hsozkult.de/publicationreview/id/reb-116683>>.

Kaiser, Katja: Wirtschaft, Wissenschaft und Weltgeltung. Die Botanische Zentralstelle für die deutschen Kolonien am Botanischen Garten und Museum Berlin (1891-1920). Wien: Peter Lang GmbH, 2021. – 562 S. – ISBN: 978-3-631-84401-4

[Кайзер, Катя: Экономика, наука и мировая значимость: Центральная ботаническая станция германских колоний при Ботаническом саде и музее, Берлин (1891-1920 гг.). Вена, 2021]

Rezensentin: Anne Sophie Overkamp, Seminar für Neuere Geschichte, Universität Tübingen

Рецензент: Анне София Оверкамп, кафедра истории Нового времени, Тюбингенский университет

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2023-00019>

Жара, духота, пышная зелень, устремляющаяся вверх до стеклянного купола, и роскошно цветущие растения – и сегодня тот, кто в ботаническом саду заходит в оранжерею тропической растительности, чувствует, что очутился в другой, чужой климатической зоне, которая имеет мало общего с центральноевропейскими реалиями. Насколько же более сильное впечатление должны были производить эти растительные миры на посетителей во времена кайзеровской Германии, которые были гораздо менее мобильны и которым чаще приходилось путешествовать в воображении, нежели в реальности.

Однако это была публика из той реальности, в которой присутствовала колониальная экспансия и, следовательно, подчинение незападного мира вместе с его природными богатствами. Перевозка растений и трансфер знаний и технологий играли при этом ключевую роль. В то время как эти аспекты хорошо изучены применительно к нидерландской и, прежде всего, британской колониальной империи, на ботанику в Германской империи исследователи обращали внимание только в отдельных случаях¹. И

¹ Lucile H. Brockway, *Science and Colonial Expansion. The Role of the British Royal Botanic Gardens*, New York 1979; Donal P. McCracken, *Gardens of Empire. Botanical Institutions of the Victorian British Empire*, London 1997; Richard H. Drayton, *Nature's Government. Science, Imperial Britain and the "Improvement" of the World*, New Haven 2000; Andrew Goss, *The Floracrats. State-Sponsored Science and the Failure of the Enlightenment in Indonesia*, Madison 2011.

вот Катя Кайзер взялась устранить это упущение и предлагает нашему вниманию объемное исследование, посвященное Центральной ботанической станции германских колоний в Берлине, которое выросло из ее диссертации, написанной в Берлинском Свободном университете. Эта станция существовала с 1891 по 1920 г. и была «первостепенным связующим звеном в глобальных процессах обращения растительного материала, происходившего из колонизированных земель, а также в процессах циркуляции знаний в области ботаники» (с. 20сл.). Не вполне понятно, почему в заглавии на первое место поставлена «экономика»: роль ботаники в экономическом освоении колоний в книге подчеркнута, но все же не исследуется систематически.

К предмету своего исследования Катя Кайзер подходит с нескольких сторон. Так, она начинает с того, что дает пояснение к фотографии на обложке книги, где изображен построенный в колониальном стиле жилой дом в Камеруне, принадлежавший садовнику родом из Лейпцига, который, как поясняет исследовательница, коллекционировал растения и экзотические диковинки. Перед вводной частью она помещает изображение экспоната с недавней выставки на тему кофе, указывая тем самым на то, что для экономической и политической экспансии технические культуры были наиболее значимы. В работе отводится место и находкам с чердака и из подвала Ботанического музея (ящик Уорда, который использовался при транспортировке растений, и гербарный образец) – на их примере исследовательница наглядно разъясняет колониальные практики, такие как классификация и систематизация Чуждого, трансимперский трансфер знания и экономическая эксплуатация. В конце на примере дошедшей до нас в нескольких вариантах фотографии африканских рабочих на плантации Кьямбила (Kyiambila) она иллюстрирует, насколько многообразна была сеть партнеров Центральной ботанической станции, а также наследников ее традиций.

Исследование опирается, главным образом, на письменные источники: документы, касающиеся сбора коллекций для Ботанического музея, публикации, экспертные заключения и переписка с лицами из окружения Центральной ботанической станции, а также документы Министерства образования и культуры Пруссии. Дополнительно к этим фондам используются документы организаций, представлявших колониальные интересы тех или иных групп германского общества, и Имперского управления по делам колоний: за счет этого можно сказать, что несмотря на потери, понесенные Ботаническим музеем в годы войны, исследование основывается на хорошей источниковой базе.

Эту источниковую базу К. Кайзер во введении четко обозначает, равно как и состояние исследований по теме, и свои методы. При этом бросается в глаза, что хотя она, по ее собственным словам, держится в рамках институциональной истории, чтобы изучить колониальное наследие Берлинского Ботанического сада и музея, само понятие «институт» не находит у нее критического осмысления, равно как нет отсылок к исследованиям по институциональной истории². Тем основательнее она вписывает свою работу в рамки такого научного направления как *New Imperial History*, а точнее, *Science and Empire Studies* и кратко излагает результаты соответствующих исследований, преимущественно англоязычных. При этом она пользуется методами, которые, в первую очередь, оправдали себя применительно к изучению Британской империи. Для Кайзер, которая также хотела бы внести вклад в сравнительную историю колоний, на первом месте находятся тесно переплетенные на

² Ср., например: Reinhard Blänkner / Bernhard Jussen (Hrsg.), *Institution und Ereignis. Über historische Praktiken und Vorstellungen gesellschaftlichen Ordens*, Göttingen 1998; Bernard Löffler, *Moderne Institutionengeschichte in kulturhistorischer Erweiterung*, in: Hans-Christof Kraus / Thomas Nicklas (Hrsg.), *Geschichte der Politik. Alte und neue Wege*, München 2007, S. 155–180.

межимперском и международном уровне институциональные структуры и отдельные акторы. Здесь прежде всего имеются в виду взаимоотношения Центральной ботанической станции с Королевскими ботаническими садами Кью (Лондон), а также ее ориентация на голландскую научно-исследовательскую организацию Бейтензорг на о. Ява. Оба учреждения представляли собой уже в глазах современников эталон – как для прикладной, так и для «чистой» науки. В свою очередь, таким многообразным взаимоотношениям на международном уровне можно противопоставить межинституциональные связи национального и локального масштаба, которые проявляли себя преимущественно в виде конкуренции между берлинскими и другими ботаническими учреждениями Германской империи.

Ко введению примыкает более короткая глава с заголовком «Zooming in», представляющая читателю «крупным планом» исторический контекст, в котором была основана Центральная ботаническая станция. Катя Кайзер сжато пересказывает историю германских колониальных приобретений и их хозяйственного освоения, а также подчеркивает значимость перевозок растений и трансфера знания в рамках европейской экспансии. Далее в главах III и IV раскрывается основная часть, за которой следует «Zooming out» – глобальная картина «общим планом», а также обзор проблем сегодняшнего дня – например, спор о реституции. Завершает работу глава, кратко обобщающая выводы исследования.

В главе III исследовательница рассказывает о первом периоде истории Центральной ботанической станции – с момента ее основания в 1888 г. – и прослеживает, как она была вовлечена в колониальный проект. Ведь, согласно пожеланиям Министерства иностранных дел, центральная станция, которую надлежало основать, должна была существенно поддерживать инициативу экономического освоения колоний за счет исследования тропических сельскохозяйственных культур, их разведения и рассылки. Для всех задействованных в этих процессах лиц примерами для подражания служили британские и голландские организации, с которыми некоторые из вовлеченных в эти процессы ботаников были знакомы не понаслышке. И все же Кью и Бейтензорг были не только примерами: они вели активную деятельность, будучи частью разветвленной по всему миру сети коопераций, предоставлявшей возможности для обмена и распространения профессионального знания, и германские учреждения стали частью этой сети. Во второй части этой главы Кайзер доказывает, что не было причинно-следственной связи между переездом Ботанического сада из Шенеберга в Далем и появлением у него дополнительных задач, связанных с колониями. Тем не менее, и в тех коллекциях, которые предназначались для осмотра посетителями, и в тех, которые служили исследовательским и учебным целям, тропические полезные культуры и растительность из германских колоний занимали особое место. Таким образом организации, занимавшиеся ботаникой (а Центральная станция в кадровом отношении была неразрывно связана с Ботаническим садом и Ботаническим музеем), участвовали как в производстве, так и в популяризации знаний о германской колониальной империи, и их поддержка колониального проекта имела чрезвычайно широкий охват.

Четвертая глава исследования посвящена собственно задачам Центральной ботанической станции: перевозке растений, научной «обработке» колониальной флоры и определению хозяйственно-полезной ценности растений, а также обучению специалистов-садоводов и вообще передаче знаний. Интересно читать, как директор Ботанического сада Адольф Энглер разрабатывал новые блоки задач для Центральной ботанической станции, чтобы таким образом удержать за ней ее значимость для германского колониального проекта (и, соответственно, финансирование), – уже после того, как ей удалось более или менее выполнить свою первоначальную задачу по транспортировке растений. С этой целью

он стремился сделать Центральную станцию главным учебным центром подготовки садовников со специализацией на тропических растениях, поддерживал организацию и проведение привлекавших внимание публики мероприятий, посвященных колониям, и пытался вызвать особенно в воображении посетителей Большой тропической оранжереи (см. изображение на с. 226-227) сильные образы и пробудить эмоции, чтобы они как «владельцы колоний» могли получить представление о тамошней растительности.

В этой части работы (на мой взгляд, очень удавшейся) Кайзер разъясняет читателям, что науку того времени и колониальную экспансию невозможно отделить друг от друга. Организации ботанического профиля, так же как Музей этнологии и Музей естествознания, извлекали огромную выгоду из насильственного подчинения империей других частей света – за счет того, что росли их коллекции, выделялись деньги для их персонала, а также они могли публиковать свои исследования. При этом вплоть до сегодняшнего дня мы сталкиваемся с последствиями того, что Европа насаждала другим свои представления о колониях, – с эпистемологической колонизацией. Заслуживают внимания в этой главе также усилия Кайзер, направленные на то, чтобы отдать должное тому вкладу в практику собирания коллекций и приобретение научного знания, который внесли акторы из коренного населения колоний.

В общем и целом, исследовательнице удалось написать убедительный труд, в котором она четко объясняет не только, какое значение «ботанические» организации имели для германской колониальной империи, но и каковы были межимперские связи предмета ее исследования, – таким образом, задача, которую она сама себе поставила, оказывается выполненной. Также читатель прочтет с пользой для себя места в тексте, в которых говорится о практиках собирания коллекций и о том, как последствия вовлечения территорий и учреждений в германский колониальный проект сказываются по сей день: в книге наглядно показывается, что организации, специализировавшиеся на ботанике, а также Музей естествознания и Музей этнологии, были институционализированными центрами и распространителями научного колониализма. В этом отношении работа Кайзер звучит в унисон с, прежде всего, уже имеющимися результатами исследований. Напротив, на этом фоне, скорее, бледно выглядит то, как исследовательница описывает автохтонных акторов и их вклад в научный трансфер, – в том числе потому, что она почти не читает источники «против шерсти» [т.е. принимая во внимание не столько эксплицитное их содержание, сколько имплицитное – Прим. ред.]³. Поэтому можно сказать, что в плане концептуальном вклад данной работы остается, скорее, незначительным. Помимо прочего, большее удовольствие от чтения мы получили бы, если бы Катя Кайзер активнее использовала техники управления вниманием читателя, избежала в некоторых местах изложения избыточной информации и сгладила некоторые языковые шероховатости; иными словами, не помешала бы хорошая редакция текста. Нельзя также не отметить, что издательство не предоставило для рецензирования печатный экземпляр работы. Несмотря на все это, данный труд закрывает собой важную лауну в исследованиях и ставит ботанику на подобающее ей место как одну из ведущих научных составляющих германского колониализма.

Перевод с немецкого: Елена Брагина (Elena Bragina)
Редакция перевода: Кирилл Левинсон (Kirill Levinson)

³ Ср. здесь работу, которую Кайзер хоть и упоминает, но едва принимает во внимание: Ann L. Stoler, *Along the Archival Grain. Epistemic Anxieties and Colonial Common Sense*, Princeton 2009.

Erstveröffentlichung der Rezension in deutscher Sprache auf H-Soz-Kult am 6.07.2022:
Первая публикация рецензии на немецком языке на H-Soz-Kult 6 июля 2022 г.:

Mathias Hack: Rezension zu: *Geiger, Wolfgang; Melber, Henning: Kritik des deutschen Kolonialismus. Postkoloniale Sicht auf Erinnerung und Geschichtsvermittlung*. Frankfurt am Main 2021: Brandes & Apsel Verlag ISBN: 978-3-95558-307-1; 256 S., In: H-Soz-Kult, 06.07.2022 <https://www.hsozkult.de/publicationreview/id/reb-113884>

Geiger, Wolfgang; Melber, Henning: Kritik des deutschen Kolonialismus. Postkoloniale Sicht auf Erinnerung und Geschichtsvermittlung. Frankfurt am Main 2021: Brandes & Apsel Verlag ISBN: 978-3-95558-307-1

[Гайгер, Вольфганг; Мельбер, Хеннинг: Критика германского колониализма. Постколониальный взгляд на проблемы памяти и преподавания истории. Франкфурт-на-Майне 2021]

Rezensent: Mathias Hack, Historisches Seminar, Universität Leipzig

Рецензент: Матиас Хак, исторический факультет, Лейпцигский университет

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2023-00018>

Колониальное прошлое уже давно стало неотъемлемой частью общественных и научных дебатов в Германии. Тем не менее, по мнению двух главных редакторов Вольфганга Гайгера и Хеннинга Мельбера, еще есть над чем работать. В частности, в рамках своей книги они стремятся критически взглянуть на память о германском колониализме и на общественную репрезентацию его истории, а также расширить за счет аспектов, выходящих за рамки исторической самокритики колонизаторов.

Данный сборник состоит из двух частей. Первая часть, озаглавленная «Германские протектораты», предлагает шесть страноведческих исследований, описывающих «последствия германского колониализма» (S. 15) в бывших колониях. Основное внимание уделяется африканским территориям. Признанные эксперты по колониальному вопросу, такие как Альберт Гуаффо, Хеннинг Мельбер, Доце Йигбе, а также Герман Мюклер, самостоятельно или в соавторстве, кратко описывают историю установления германского колониального господства в Камеруне, Намибии, Того или Океании. Жестокость и бесчеловечность немецких методов в колониях выходят при этом на передний план и наглядно иллюстрируются, к примеру, геноцидом овахереро и нама или восстанием Маджи-Маджи в Восточной Африке. Авторы также ставят перед собой задачу показать, как местные жители, подвергавшиеся колонизации, относились к сопротивлению и к вопросам участия населения в управлении. Особенно выдающимися являются работы Хеннинга Мельбера и Израэля Каунатжике о Германской Юго-Западной Африке и Янна Легалля и Мньяка Суруру Мборо о Германской Восточной Африке. В обоих случаях и Мельбер, и Легалль предлагают критический обзор германского колониального правления, который в нескольких местах текста Каунатжике и Мборо комментируют и противопоставляют фрагментам воспоминаний, записанных по свежим следам событий или уже в наше время. Каунатжике сопоставляет, например, войну на уничтожение, которую германские колонизаторы вели против племени

овахереро, с яркими и сложными воспоминаниями о Самуэле Магереро в день его памяти, отмечаемый в последние выходные августа, или о праздновании Дня Гибеона у нама (S. 59). Мньяка Суруру Мборо объясняет значение войны Маджи-Маджи для населения Танзании или сосредотачивается на воспоминаниях местных общин, пересказывая интервью с Нкоси Эммануэлем Зулу Гама, потомком принца Вангони, повешенного во время этой же войны в 1906 году (S. 109). Эти примеры, комментарии, а также описание прогерманской настроенности некоторых слоев народа эве в Того (S. 89-91), которая сохранялась еще долго после окончания колониального периода, являются одними из сильных сторон книги, так как позволяют увидеть сложность, многослойность и проблематичность памяти.

При этом возникает вопрос, почему так мало внимания было уделено подобным взглядам в первой части книги. Комментарии такого рода можно найти только в двух вышеупомянутых статьях. Вообще тема памяти поднимается только в трех из шести страноведческих исследований, и вопреки тому, что можно было бы ожидать, прочитав подзаголовки сборника, авторы исследований по Камеруну, «Цзяо-Чжоу» и Океании ограничиваются расплывчатыми намеками относительно последствий колониализма или выражением пожелания «открытого и непрерывного процесса диалога» (S. 122). Даже попытка пересмотра отношения к колониальной теме, осторожно заявленная во введении, удастся лишь в нескольких местах. Так, в своей статье о Камеруне Гуаффо и Фосси уделяют основное внимание колониальному господству и правлению и только слегка затрагивают такие формы сопротивления, как письма протеста Манги Ндумбе Белла, сжигание раздаваемых посевных семян или намеренные ошибки при устном переводе (S. 76f.). Поэтому эти статьи в первой части тома читаются просто как краткие обзоры колониальной истории Германии в соответствующих странах, подобные тем, каких уже множество есть на рынке¹.

В отличие от них, четыре статьи второй части под заголовком «Культура памяти и общественная репрезентация прошлого» гораздо сильнее связаны с общей проблематикой книги. Дёрте Лерп и Сюзанна Леверенц в своей статье освещают критические высказывания в адрес проекта «Колониализм в коробке» Германского исторического музея и его репрезентации германского колониализма. В основном, создатели проекта, основанного в 2009 году, критиковали рассмотрение темы германского колониализма в отдельной «коробке» в рамках экспозиции музея, а также неотрефлексированное выставление оригинальных материалов, таких как фотоальбом со сценами пыток и убийств (S. 156). С тех пор «коробка», посвященная колониальной эпохе, была переработана с большей деликатностью и осмотрительностью - но, по словам авторов, только под давлением гражданских инициатив. Однако необходимость в представлении колониализма в музее как многогранного переплетенного аспекта всей истории Германии по-прежнему остается.

В двух статьях один из составителей сборника Вольфганг Гайгер рассматривает проблематику подачи темы немецкого колониализма в школьных учебниках истории. В своем первом материале он сначала приводит данные различных исследований, в которых изучался образ Африки в немецких учебниках в период с 1990 по 2015 год. Сам автор считает совсем неудивительным тот факт, что Африка стереотипно изображается как экзотическая, нуждающаяся в помощи/развитии и бедная (S. 148). В своей второй статье он анализирует современные учебники по истории, используемые только в Гессене. Вывод Гайгера неоднозначен. С одной стороны, он отмечает позитивные изменения, такие как прочное включение темы колониализма и особенно геноцида овахереро и нама в школьные учебники, а также все более многоаспектное обсуждение

¹ Winfried Speitkamp, *Deutsche Kolonialgeschichte*, Stuttgart 2005; Sebastian Conrad, *Deutsche Kolonialgeschichte*, München 2019 (4. Auflage) oder im Themenblock „Kolonialismus und Imperialismus“ der Bundeszentrale für politische Bildung.

этой тематики (имеется в виду включение в него местных африканских точек зрения). С другой стороны, в принципе содержание большинства учебников ограничивается, на взгляд Гайгера, поверхностным осуждением расизма и империализма: он не видит в них «однозначной делегитимации колониального захвата» (S. 179). По его мнению, тот факт, что «цитатам из речей депутатов Бундестага длиной по несколько страниц» (S. 180) отдается приоритет перед оригинальными документами и африканскими точками зрения, показывает сохранение колониального взгляда даже в критических и рефлексивных текстах о культуре памяти. Как можно деконструировать такое представление на уроках истории, показывает в своей статье Франк Швеппенштетте на примере художественного рассмотрения статуи Виндхукского всадника. Еще в 2001 году немецкий художник Клаус Клингер и намибийская художница Наташа Бойкес разместили в общественных местах Гельзенкирхена и Виндхука мурал, иронично изображающий снос конной статуи и замену ее белым зайцем². По словам Швеппенштетте, картину можно использовать в школе для обсуждения памяти о колониализме и того, как люди могут обращаться с формами памяти.

Заявленные в предисловии к сборнику намерения расширить дискуссию о культуре памяти, а также в какой-то степени изменить взгляд на проблемы истории германского колониализма, были лишь частично реализованы в отдельных статьях. Особенно в первой части тома точки зрения местных африканских или постколониальных активистов в отношении памяти о германском колониализме часто лишь упоминаются и не получают последовательного развития. Напротив, вторая часть, посвященная вопросам преподавания колониальной истории на примере музеев, учебников и практики преподавания, представляется гораздо более информативной.

Перевод с немецкого: Наталия Алушкина (Natalia Alushkina)
Редакция перевода: Кирилл Левинсон (Kirill Levinson)

² <http://www.farbfieber.de/UNIQ165227114714849/doc187A.html> (22.6.2022).

Richter, Hedwig: Aufbruch in die Moderne. Reform und Massenpolitisierung im Kaiserreich. — Berlin: Suhrkamp, 2021. — 276 S. — ISBN: 978-3-518-12769-9

Рихтер, Хедвиг: Прорыв к модерну. Реформа и массовая политизация в Германской империи. — Берлин: Зуркамп, 2021. — 276 S. — ISBN: 978-3-518-12769-9

Рецензент / Rezensent:

Тимофей Дмитриев / Timofey Dmitriev

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2023-00009>

В своей книге Хедвиг Рихтер (род. 1973), профессор университета Новой и Новейшей истории Университета бундесвера (Мюнхен), предлагает читателю масштабную панораму реформ и процессов массовой политизации, происходивших в Германской империи в период с ее создания в 1871 году и вплоть до ее крушения в результате поражения в первой мировой войне в 1918 году.

В структурном плане книга делится на четыре основные главы, введение и заключение. В первой главе речь идет о историческом событии огромного масштаба в жизни немцев — их объединении в рамках одной большой державы в 1871 году, что повлекло за собой резкое ускорение развития массовой политики и массовой культуры в объединенной стране. Вторая глава освещает вопросы экономического и социального развития Германской империи. В ней показано, что немецкий капитализм после объединения, несмотря на то, что он жестоко эксплуатировал трудящиеся массы и довел социальное неравенство до невиданных прежде высот, в то же самое время заложил основы для того, чтобы массы из бессловесных подданных превратились в сознательных налогоплательщиков и потребителей, жизнь которых протекала в относительной социальной безопасности. Одновременно, в том числе и по причине растущей моральной нетерпимости общества по отношению к таким негативным социальным явлениям, как бедность и нищета, государство было вынуждено брать на себя всё больше ответственности за развитие тех или иных областей немецкого общества, что вело к его более глубокому проникновению в повседневную жизнь людей.

Третья глава раскрывает глобальные рамки, без учета которых невозможно понять не только бурный экономический рост, но и подъем расизма и рост социалистического движения на рубеже двух веков. Многие люди того времени начинают мыслить глобально: это касается как представителей космополитической части немецкой буржуазии, так и активистов и активисток социалистического и феминистского движения. Для большинства, однако, именно национальное сообщество служило источником самосознания и основой идентичности. В контексте конкуренции между могущественными европейскими державами на мировой арене мир воспринимался как становящийся и более глобальным, и более национальным.

Четвертая глава анализирует расширение прав гражданского участия и его связь с войной и воинской службой. Подобно тому, как в середине XIX века воинская обязанность и представления о свободном человеке с оружием в руках сочетались с национализмом, так и массовая политизация и массовые войны в первой половине XX века идут рука об руку. Тот, кто умирает за родину, должен иметь право выбирать, а тот, кто участвует в управлении государством, нередко становится носителем реваншистских настроений и воинственного национализма. «Война, — констатирует Хедвиг Рихтер, — укрепила равенство, разрушила региональные стены, ослабила классовые барьеры и освободила индивида от корсета локальных культур и порядков» (S. 103).

Рецензируемую работу по ее жанру можно охарактеризовать как «ревизионистскую», поскольку она, помимо всего прочего, ориентирована на развенчание сложившихся в современной историографии мифов и стереотипов о Германской империи. Первый тезис, который автор кладет в основу своего очерка, как раз и связан с развенчанием этих стереотипов. Согласно этому тезису, история Германской империи в 1871—1918 гг. — это прежде всего не история авторитарного и милитаристского монархически-бюрократического государства (Obrigkeitsstaat), но история реформ, родивших на основе своеобразной «культуры компромисса» и направленных на мирное и планомерное изменение немецкой социальной действительности. Эти реформы, поводами для которых нередко служило громкое возмущение общественности кричащими язвами социальной жизни, были сугубо необходимы для разрешения великой проблемы того времени: интеграции широких масс населения, которые не должны были больше жить в унижении и нищете. История Германской империи истолковывается поэтому автором рецензируемой книги как время перелома и сознательно направляемых изменений, динамика которых определялась процессами массовой политизации. «Тем самым очерк дополняет широкий круг исследований, уже довольно давно отказавшихся от представлений о квази-абсолютистском государстве верховного правителя, поскольку они не отдают должное плюрализму немецкого общества и разнообразию политической жизни в Германской империи» (S. 14). По мнению автора, «единство Германии было не только эмоциональным проектом, направленным на поощрение шовинизма (хотя было и это), но и предпосылкой ее вхождения в высокий модерн. Оно создало условия для экономического, социального и научного подъема Германии. В том, что это произошло, — огромная заслуга либеральных политиков и прогрессивно настроенного чиновничества» (S. 42). Тем самым, как отмечает Хедвиг Рихтер, были созданы предпосылки для развития современного государства, проводящего разностороннюю социальную политику и действующего в правовой системе координат, «с совершенно беспрецедентной научной системой и сильной экономикой, которая обеспечивала процветание для всех; государства, которому удалось в значительной степени интегрировать разнородное население» (S. 139).

Рецензируемая работа написана в духе новых веяний в современной историографии в том плане, что через все ее разделы отдельным рефреном проходит высокая оценка роли женщин в описываемых эпохальных социально-исторических трансформациях немецкого общества на рубеже XIX—XX вв. Это стремление Хедвиг Рихтер писать политическую и социальную историю Германской империи и ее прорыва к модерну не только как историю мужчин, но и как историю женщин заслуживает всяческого признания не только как дань новейшим веяниям времени, но и как важный шаг на пути создания более сбалансированного канона истории немецкой современности, в рамках которого «мужской взгляд» больше уже не будет подменять собой «женский» или же безапелляционно притязать на то, чтобы полноценно его представлять. Более того, саму проблематику эмансипации женщин в истории немецкого модерна начала прошлого века автор освещает с довольно неожиданной стороны, показывая, что «приручение представлений о мужественности и мужских практик способствовало одному из самых важных процессов интеграции того времени: политической мобилизации женщин. Только благодаря этому массовая политизация приобрела свое полноценное значение. Почти все политические направления женского движения позиционировали себя как реформаторские силы, претендуя при этом на наличие у них особых компетенций в социальном вопросе и выводя из этого свое право на участие и самоопределение» (S. 141).

Необычайно интересной и поучительной оказывается также логика включения и исключения, свойственная современной национально ориентированной демократии, которую автор на примере истории Германской империи прослеживает в первой, третьей и четвертой главах своей книги. Новое чувство общности было в значительной степени обусловлено созданием единой германской нации. В период ее расцвета происходит далеко идущий процесс интеграции социальных низов в политические, социальные и культурные

порядки империи. Обратной стороной этих процессов национальной и социальной интеграции является масштабная политизация масс, с которой чем дальше, тем больше были вынуждены считаться и сами власть имущие.

Однако включение идет здесь — такова парадоксальная логика модерна — рука об руку с исключением. Чувство национальной общности граждане индустриально развитых стран обретают не в последнюю очередь благодаря дистанцированию от «других». По этой причине переломная эпоха интеграции и реформ была одновременно эпохой торжества империализма, расизма и колониализма, направленного на захват чужих территорий и подчинения других, неевропейских народов якобы с целью их «цивилизации». «Столь важное для истории демократии понимание того, — пишет Хедвиг Рихтер, — что одна из основ демократии — расширение могущества масс — может привести как к свободе и справедливости, так и к тоталитарному, человеконенавистническому государству масс, в понятии нации становится наиболее очевидным» (S. 83).

В то же самое время автор предостерегает своего читателя от того, чтобы видеть в этих темных сторонах истории западного модерна сугубо немецкую проблему. Как подчеркивает Хедвиг Рихтер, «расизм, антисемитизм, грезы о евгенике и чистоте крови, забота о здоровом «народном теле» и ненависть к другим являются составной частью истории Запада в целом» (S. 142). С этой точки зрения нельзя не признать наличие определенной исторической непрерывности между массовой политизацией рубежа двух веков и преступными тоталитарными режимам XX века.

Наконец, еще одну важную черту «прорыва» к модерну, совершенного в годы существования Германской империи, автор рецензируемой работы усматривает в том, что в своем политическом развитии в этот период Германия продолжала оставаться в русле тенденций эволюции индустриально развитых стран. «Благодаря реформаторским движениям и их динамике включения в Германской империи пробились важные ростки массовой демократии» (S. 83). Тем самым были заложены определенные предпосылки не только для господства национал-социалистической диктатуры, но и для демократического пути развития немецкого отечества. Так, Веймарская республика во многих отношениях была тесно связана с империей, причем не только своими отрицательными, но и своими положительными сторонами. Таким образом, заключает Хедвиг Рихтер, «в Германской империи кроются истоки не только национал-социализма, но и предшествовавших ему демократических времен Веймара, а также Федеративной республики» (S. 143).

Herbert, Ulrich: Wer waren die Nationalsozialisten? — München: C. H. Beck, 2021. — 304 S. — ISBN: 978-3-406-76898-9

Герберт, Ульрих: Кем были национал-социалисты? — Мюнхен: Бек, 2021. — 304 S. — ISBN: 978-3-406-76898-9

Рецензент / Rezensent:
Тимофей Дмитриев / Timofey Dmitriev

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2023-00008>

Вопрос о том, кто такие были национал-социалисты, является вопросом о характере национал-социалистической диктатуры. Так ставит вопрос известный немецкий историк Ульрих Герберт (род. 1951), профессор новой и новейшей истории Фрейбургского университета, специалист по истории «Третьего Рейха» (1933–1945), автор капитальной монографии «История Германии в XX столетии» («Geschichte Deutschlands im 20. Jahrhundert», 2014) и научно-популярного очерка «Третий Рейх. История одной диктатуры» («Das Dritte Reich. Geschichte einer Diktatur», 2016). Начиная с 1920-х годов и особенно на протяжении нескольких десятилетий после окончания второй мировой войны на этот вопрос давались самые разные ответы, которые, тем не менее, роднило друг с другом то, что они были всегда отмечены политической конъюнктурой конкретного исторического момента. В зависимости от этой конъюнктуры национал-социалистов было принято считать то прибегающим к насилию союзом маргинальных аутсайдеров, то преисполненным надежд движением молодежи, то мечтателями о народно-национальном единстве (völkische Schwärmer), то немецкими фашистами на итальянский манер, то партией безработных, то армией гражданской войны, то, наконец, анахронической антисемитской партией. И всё это — лишь небольшая часть из той массы характеристик, что сперва современниками, а затем потомками давались этому движению и его участникам.

После окончания войны «национал-социалистами» были объявлены все члены НСДАП и родственных им организаций. С этим было связано представление, что «Третий Рейх» опирался на массовое движение и этим он отличался от диктатур более традиционного типа, управлявшихся «знатными людьми» при помощи военных. Тем не менее как в ГДР, так и в левых кругах ФРГ в национал-социалистическом государстве было принято видеть политический проект традиционных элит, прежде всего крупной буржуазии и военных, которые использовали национал-социалистов в качестве орудия для достижения своих собственных целей. Но по мере того, как преступления «Третьего Рейха» становились предметом пристального внимания, все большую остроту принимали вопросы о вине и ответственности, что вело к выходу на первый план общественных дебатов деятельности функционеров таких террористических организаций, как СС и гестапо.

Такой поворот событий вызвал неприятие в Федеративной Республике Германия, особенно в первые послевоенные десятилетия, когда национал-социализм стал ассоциироваться с небольшой руководящей группой нацистских «бонз», а в конечном счете — с фигурой Адольфа Гитлера. Идея о том, что только Гитлер объединял режим и народ и потому именно он несет ответственность за преступления режима, сегодня кажется абсурдной, но на протяжении десятилетий она была распространена необычайно широко, чему способствовало, помимо всего прочего, появление всё новых биографий Адольфа Гитлера, которые внесли немалый вклад в укрепление этого стереотипа. Тем самым массовое согласие немцев с нацистским режимом было завуалировано, а рядовые члены партии и население предстали как жертвы обольщения и насилия, исходящего сверху. На

роль главных действующих лиц были выбраны прежде всего крупнейшие функционеры режима. В свою очередь, лица, служившие в концентрационных лагерях и айнзатц-командах, были объявлены «абсолютно асоциальными и криминальными элементами», как выразился федеральный канцлер Конрад Аденауэр, выступая в бундестаге в сентябре 1952 года (S. 18). Упомянуть о том, что руководящие кадры нацистской партии, равно как и государственные служащие высокого ранга – члены НСДАП в национал-социалистической Германии имели, как правило, хорошее высшее образование и происходили из приличных буржуазных семей, было принято считать признаком дурного тона и повторением задов коммунистической пропаганды идеологических функционеров ГДР.

Конечно, как отмечает Ульрих Герберт, не стоит забывать и о том, что распространение таких далеких от исторической истины стереотипов было в немалой степени обусловлено интересом конкретных лиц к сокрытию своего личного участия в преступлениях нацистского режима, а также стремлением определенных слоев послевоенного немецкого общества преуменьшить ту степень одобрения и энтузиазма в отношении режима со стороны населения, которая действительно имела место в период национал-социалистического господства, а также по мере возможности заретушировать роль руководящих групп из числа традиционной элиты в государственном управлении, экономике, а также в ведении вермахтом войны на уничтожение на Востоке в 1941-1945 гг. Только начиная с 1990-х годов стало очевидно, что поддержка «Третьего рейха» со стороны значительной части населения была гораздо более ярко выраженной, чем предполагалось прежде. Тогда же стало появляться все больше понимания того, что значительная часть немецкой административно-управленческой и академической элиты не только приветствовала приход национал-социалистов к власти, но и охотно пошла на сотрудничество с новым режимом и в массе своей продолжала служить ему верой и правдой вплоть до 1944 г. когда на горизонте уже маячила перспектива его тотального краха.

Рецензируемая книга состоит из 11 эссе, в основу которых легли выступления и статьи автора в период с 1995 по 2020 год. В их центре находится поиск ответа на вопрос о том, кем были национал-социалисты, какова была их картина мира и истории и какую роль во всем этом играл антисемитизм. Важное место в книге занимает также рассмотрение вопроса о масштабах поддержки национал-социалистического режима со стороны населения и традиционных элит, в частности, со стороны университетской профессуры. В исследовании проводятся также типологические сравнения нацистской и сталинской систем тоталитарного господства. Три главы книги посвящено исследованию проблем, связанных с военной политикой и политикой уничтожения, проводившейся национал-социалистическим режимом в годы второй мировой войны. Ее различные аспекты анализируются автором на примере общеевропейской политики нацистского режима, его захватнической войны на уничтожение против Советского Союза и геноцида европейского еврейства. В книге также ставится и рассматривается вопрос о том, какое значение имела пропаганда «народного сообщества» во времена нацистской диктатуры и можно ли обнаружить следы влияния этой концепции на внутреннюю политику в ФРГ в послевоенные годы. Наконец, в заключительной главе книги автор подвергает анализу проблему, в какой степени руководящим группам нацистского режима удалось восстановить свои позиции в западногерманском обществе после войны, и задается вопросом об обстоятельствах и последствиях этого «возвращения к буржуазной норме» для судеб западногерманской демократии в послевоенные десятилетия.

Следует отметить, что главный тезис, который автор рецензируемой книги отстаивает в своей статье «Кто такие были национал-социалисты?», представляется нам достаточно проблематичным. Складывается впечатление, что он чрезмерно сближает национал-консервативные и право-радикальные движения Веймарской республики, с одной стороны, и национал-социалистическое движение в лице НСДАП, ее штурмовых отрядов (СА) и организаций-сателлитов вроде Национал-социалистического немецкого союза студентов (Nationalsozialistischer Deutscher Studentenbund), с другой, на том

основании, что 1) между ними якобы не было серьезных доктринальных разногласий, а были только разногласия по второстепенным вопросам и что 2) значительная часть активистов этих движений впоследствии стала успешными функционерами в различных сферах национал-социалистического аппарата власти. Коренным разногласием между национал-социалистами, с одной стороны, и национал-радикалами и национал-консерваторами времен Веймарской республики автор считает высокомерное отношение последних к национал-социалистам и их вождю как к «грубому и бездуховному движению», а также их опасения по поводу ставки, сделанной национал-социалистами на мобилизацию политизированных масс и на уличное насилие (S. 32). Тем самым, ретушируется другая, не менее важная, на наш взгляд, линия идейного и социального водораздела между национал-социалистами и другими радикальными националистическими группировками времен Веймарской республики, которая состояла в том, что в отличие от этих последних, нацисты были не только националистами, но еще и социалистами, то есть политическими актерами, не только на уровне популистской демагогии, но и на уровне стратегии и тактики своего движения всерьез воспринимавшими некоторые социалистические идеи и проводившими их в жизнь с целью интеграции трудящихся немецких слоев в новое «народное сообщество» (Volksgemeinschaft). То же самое касается и тех усилий, которые нацисты, начиная с принятия «четырёхлетнего плана» (Vierjahresplan) в 1936 г., направляли на создание военной экономики, управляемой государством, и соответствующей системы планирования и распределения ресурсов. К этому присоединялся и тот рессентимент, который многие деятели национал-социалистического движения, будучи «парвеню» в социальном плане, испытывали к представителям традиционных немецких элит – военным, дипломатам, профессорам, представителям крупной деловой буржуазии. При исследовательском подходе, практикуемом автором рецензируемой книги, эти аспекты «государственного социализма» времен национал-социалистической диктатуры (1933–1945), не получают, на наш взгляд, того освещения, которого они, вне всякого сомнения, заслуживают. В действительности в своей книге Ульрих Герберт отвечает не на вопрос о том, кем были национал-социалисты по своему объективному социально-классовому, профессиональному, региональному, религиозному или же идейно-мировоззренческому профилю, но на вопрос о том, какие мотивы заставили немалое число активистов из различных националистических, консервативных и праворадикальных кругов в конечном счете примкнуть к нацистами незадолго до их прихода к власти или же сразу же после этого.

С этим первым вопросом тесно связан второй, интересующий автора не меньше: как менялись критерии идентификации тех, кого причисляли к национал-социалистам в политической истории Германии XX в. Однако предлагаемый самим автором критерий, согласно которому к нацистской элите в «узком смысле» следует причислять только тех, кто «имел непосредственное отношение к политике террора и уничтожения, проводившейся режимом, и несет ответственность за нее» (S. 243), приводит к тому, что к членам нацистской элиты он причисляет только «верхушку государственного и партийного аппарата, и прежде всего руководящие кадры особых органов власти, гаулейтерств и партийных организаций, а также всех тех, кто занимал руководящие должности в СС, Главном управлении имперской безопасности, в высших органах экономики и государственного управления, в полиции безопасности и в айнзацгруппах, а также в немецких оккупационных органах власти в оккупированных странах, прежде всего на Востоке» (S. 243-244). Такая постановка вопроса, на наш взгляд, выглядит в высшей степени спорной, поскольку, как вынужден признать сам У. Герберт, тем самым из рядов нацистской элиты автоматически исключаются «традиционные элиты, действовавшие в сферах хозяйства, государственно-административного управления, науки и в вооруженных силах» (S. 243).

В заключение отметим, что книга Ульриха Герберта, по его собственному признанию, имеет не только научно-историографическое, но и политико-полемическое

значение. Оно, по мнению автора рецензируемой работы, состоит в том, что обсуждение вопросов о национал-социалистическом прошлом немецкой нации, которым активно занимаются исследователи как в самой Германии, так и за ее пределами, призвано вносить свой посильный вклад в разработку «более объемного (и очень болезненного для немцев) образа национал-социалистического режима, его приверженцев и его преступлений» (S. 11).

Erstveröffentlichung der Rezension in deutscher Sprache auf H-Soz-Kult am 30.06.2022:
Публикация рецензии на немецком языке на H-Soz-Kult от 30 июня 2022 г.:

Paul Sprute: Rezension zu: *Beese, Sebastian: Experten der Erschließung. Akteure der deutschen Kolonialtechnik in Afrika und Europa 1890-1943. Paderborn 2021. ISBN 978-3-506-76045-6*,
In: H-Soz-Kult, 30.06.2022, < <https://www.hsozkult.de/review/id/reb-98206?title=s-beese-experten-der-erschliessung>>.

Beese, Sebastian: Experten der Erschließung. Akteure der deutschen Kolonialtechnik in Afrika und Europa 1890-1943. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2021. – 338 S. – ISBN: 978-3-506-76045-6

[Беезе, Себастиан: Эксперты освоения. Актеры инженерного дела в германских колониях в Африке и Европе в 1890-1943 гг. Падерборн, 2021]

Rezensent: Paul Sprute, Leibniz-Institut für Raumbezogene Sozialforschung, Erkner

Рецензент: Пауль Шпруте, Институт пространственных социальных исследований им. Лейбница, Эркнер

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2023-00017>

В своей диссертации Себастиан Беезе знакомит читателей со своим амбициозным трудом, посвященным опыту германских инженеров и технических специалистов, которые создавали железнодорожную инфраструктуру в германских колониях в Восточной и Юго-Западной Африке, а также с переговорными процессами, предшествовавшими строительству железных дорог. Кроме того, он предлагает вниманию читателей емкий анализ того, как возникла эта профессиональная отрасль – колониальное инженерно-строительное дело – и как менялся ее статус. Автор строит свое исследование в поиске ответов на следующие вопросы: какие выгоды различные частные лица и группы, задействованные в этой профессии, извлекали из оккупации Африки Германией и какие последствия для их положения в Германии после Первой мировой войны имела их деятельность в колониях. В центре внимания Беезе, в частности, высококвалифицированные технические специалисты, служившие чиновниками на различных ступенях должностной иерархии в колониальной администрации и, в меньшей степени, работники частных компаний. В общем и целом, он представляет их как буржуазную и гомогенную по своему составу группу, для которой, казалось, колонии могли предоставить возможность карьерного роста.

Нетрудно заметить, что одним из главных источников вдохновения для Беезе при написании его работы послужил труд Дирка ван Лаака¹. Беезе продолжает исследования ван Лаака, выясняя, какое значение имело для инженеров «освоение» (нем. «Erschließung», то есть обеспечение доступа в колонии, строительство в них коммуникаций и эксплуатация их) «ради него самого» (с. 4), но также – что более важно – как это освоение осуществлялось на практике в жизни технических специалистов, работавших в колониях. Следуя этому своему намерению, Беезе находит подходящую теоретическую базу в трудах Бурдьё; его работа наиболее убедительна, когда он применяет этот аналитический инструментарий, изучая имеющиеся источники. Праксеологические идеи Бурдьё примиряют между собой структурную и индивидуальную агентность и помогают Беезе анализировать то, как действовали технические специалисты в таком поле, как колониальные технические профессии. Главные источники Беезе относятся к германскому колониальному государству – он изучал их в архивах в Дар-эс-Саламе, Берлине, Дрездене и Штутгарте, дополнив другими источниками, такими как автобиографические свидетельства. В общем и целом, работа Беезе важна для таких дисциплин, как колониальная история и история техники, поскольку она помогает заполнить пробелы в исследованиях, посвященных германским техническим экспертам в колониях.

В первой части диссертации Беезе исследует социальный статус германских инженеров и их самовосприятие, а также изучает причины их службы в колониях (например, заслужить себе репутацию). Затем он рассматривает общую для всех них идеологию «освоения» и анализирует, каким образом она определяла проектирование железнодорожных линий. Он также в общих чертах описывает, как организовывались строительные мероприятия и с какими трудностями это было сопряжено. Далее, он концентрируется на динамике различных форм капитала, описанных Бурдьё, и вводит в оборот свою концепцию физического капитала, играющего решающую роль в карьере колонистов. Физический капитал инженеров – это то, что касается их «годности к жизни в тропиках»; таким образом, эта концепция развивает идею Бурдьё об «инкорпорированном культурном капитале» (с. 126-127). Беезе также анализирует, каким образом возможности получения дохода влияли на продвижение по службе инженеров-колонистов, и приходит к выводу, что с институциональной точки зрения служба в колониальной администрации становилась все больше похожа на службу в структурах в самой Германии.

Затем Беезе рассуждает о функциях иерархии и порядка, принимая во внимание, что конфликтные ситуации проявляются более остро в колониях, поскольку последние являются пространством борьбы, соревнования. Здесь он расследует случаи борьбы за власть и то, как располагались относительно друг друга различные акторы в этом поле с учетом их административного статуса, академических регалий и колониального опыта. Автор подчеркивает, что очень важны были редко подвергаемые критике или сомнению свидетельства о высшем образовании, которые гарантировали их обладателям высокодоходные рабочие места, и делает вывод, что формальные регалии часто были более важны при принятии решений в сфере строительства, чем фактическая аргументация.

Во второй и более короткой части диссертации рассматриваются карьерные пути германских колониальных инженеров после Первой мировой войны, а также их попытки формально институционализировать свою профессию *ex post facto*, задним числом. В этой части можно увидеть результаты большой подготовительной работы, сделанной автором, особенно что касается деятельности профессиональных лоббистских групп сильной

¹ Dirk van Laak, *Imperiale Infrastruktur. Deutsche Planungen für eine Erschließung Afrikas. 1880-1960*, Paderborn 2004.

технократической ориентации. Беезе особенно внимательно рассматривает пример организации АКОТЕСН и изданных ей публикаций, но не обходит вниманием и выставки технологических новинок в колониях, нацеленных на экспорт. Он также изучает попытки создать программы профессиональной подготовки для специалистов инженерно-строительного дела, работающих в колониях или в тропиках, – начиная с первых попыток в политехнической школе в Кетене (Polytechnikum Köthen) в 1905 г. вплоть до Рабочего совещания по колониальным технологиям в 1940 г. в Штутгарте. Эта часть исследования отличается по охвату темы от предыдущих: карьерные траектории отдельных лиц Беезе связывает уже не с конкретными проектами развития инфраструктуры, а, скорее, с институциональными и дискурсивными установками, окружавшими колониальный ревизионизм. Как следствие, он расширяет фокус своего внимания: от детальной и убедительной работы, в основу которой он кладет теории Бурдьё, исследователь переходит к более широким дискуссиям на тему преемственности между германским колониализмом и национал-социализмом. Беезе констатирует, что у инженеров не было особых симпатий к идеологии «жизненного пространства», так же как они не приспособливали к ней свое колониальное мышление. Однако можно утверждать, что его источники здесь слишком малочисленны, чтобы внести какой-то существенный вклад в эту дискуссию.

Для того, чтобы подчеркнуть научный потенциал работы Беезе, позвольте мне выделить две группы идей: 1) деятельность частных компаний и трансимперские взаимосвязи отдельных личностей и 2) каким образом их деятельность была связана с той относительной значимостью, которую приписывали опыту работы в колониях, ученым степеням и правительственным полномочиям. Беезе скрупулезно исследует, как соотносились друг с другом соображения и интересы технических специалистов, работавших на государство, и сотрудников частных компаний (в особенности, таких как «Ленц и Ко» (Lenz & Co) и «Хольцман» (Holzmann)), строивших в колониях железные дороги. Автор приводит красноречивые эпизоды, когда, например, в частных железнодорожных компаниях относились к «государственным» техническим специалистам как к инструкторам второго сорта, показывают, как возникали конфликты по поводу статуса в связи с осуществлением государственными контролерами надзора за инженерами с высшим образованием, чьи притязания на экспертное знание обосновывались прежде всего их опытом работы в колониях. Такие конфликты только усиливались за счет того, что железные дороги выполняли функцию центрального места сегрегации в колониях.

Как было указано ранее, в центре многих конфликтов было то, как соотносились между собой опыт и регалии. Назначение на высокие посты в правительстве особенно зависело от признания человека в академической среде. Примечательным исключением (тем не менее, подтверждающим эту закономерность) была карьера строительного подрядчика Готтфрида Редекера в г. Виндхук. Родившись в германском протекторате, на своем пути по карьерной лестнице в государственной администрации в колонии ему неоднократно приходилось доказывать свою компетентность перед чиновниками, уделявшими большое внимание социальному статусу. Несмотря на это, ему удалось сохранить свою должность и круг его обязанностей был сужен чисто символически. Следуя за Ариане Комедой, которая в своей недавно вышедшей диссертации описывает два из наиболее важных сооружений Готтлиба Редекера как колониальную «контактную архитектуру»², Беезе отводит Редекеру особое место в контексте его профессиональной деятельности. Редекер занимал свой пост до 1921 г., т.е. и в первые годы британского

² Ariane Komeda, *Kontaktarchitektur. Kolonialarchitektur in Namibia zwischen Norm und Übersetzung*, Göttingen 2020.

колониального правления. Однако ему не удалось продлить свою карьеру так, как это получилось у германо-британского инженера Клеменса Гильмана (Клемента Гилмена), который работал на фирму «Хольцман» до того, как получил повышение и стал главным инженером компании «Железные дороги Танганьики» (Tanganyika railway) во время британского мандата на этой территории. Пример карьеры двух этих специалистов дает возможность использовать более межимперский подход, идущий дальше, нежели периодические сравнения с британскими кейсами, которые проводит Беезе.

На мой взгляд, то, что, помимо колониальных инженеров, работавших на частные компании, Беезе уделяет внимание специалистам, трудившимся в условиях британской администрации, открывает тематические направления, которые стоят того, чтобы проследить их и применительно к межвоенному периоду, когда германского колониального государства уже не существовало. Внимание к этим темам хорошо сочеталось бы со строгим применением концепций Бурдье, характерным для этой диссертации. В заключении Беезе лишь отмечает эту возможность, однако он мог бы предпринять первые шаги в этом направлении, расширив свой список источников, который сейчас состоит почти сплошь из документов, относящихся к германскому государству. Теперь у других исследователей есть возможность опираться на этот труд, которым Беезе внес значимый вклад в науку. В общем и целом, данная работа является важным дополнением к литературе по германскому колониализму, поскольку обращает внимание на часто упускаемую из виду группу акторов и делает это как теоретически обоснованно, так и зачастую эмпирически креативно.

Перевод с немецкого: Елена Брагина (Elena Bragina)
Редакция перевода: Кирилл Левинсон (Kirill Levinson)

Meyer, Christian: (K)eine Grenze. Das Private und das Politische im Nationalsozialismus 1933-1940 – (Quellen und Darstellungen zur Zeitgeschichte, hrsg.v. Institut für Zeitgeschichte). – Berlin/Boston: Walter de Gruyter-Oldenbourg, 2022. – 324 S. – ISBN 978-3-11-099175-8

Мейер, Кристиан: (Не граница) граница. Приватное и политическое в национал-социализме 1933-1940. – (Источники и представления о современной истории)- Берлин; Бостон: Вальтер де Грютер-Ольденбург, 2022. – 324 с. - ISBN 978-3-11-099175-8

Рецензент / Rezensent:
Сергей Артамошин / Sergej Artamoshin

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2023-00007>

История повседневной жизни человека в условиях диктаторского режима достаточно часто воспринимается как некая цитадель, в которой индивид находит возможность укрыться от всеохватывающего воздействия политической власти. Насколько человеку удастся сочетать публичное и приватное, где проходит грань, отделяющая эти два явления социальной жизни – вот, что представляет интерес для исторического исследования. Здесь ставится вопрос о степени политической социализации общества и сохранении личностных границ, приватного мира человека. Рассматриваемая книга как раз и стремится ответить на эти вопросы.

В основу книги германского исследователя Кристиана Мейера, учителя гимназии из Гамбурга, была положена диссертация, защищенная им в 2015 г. в Билефельдском университете по теме: «Семантика приватного в автобиографических интерпретациях национал-социализма». Историк стремится с помощью семантической интерпретации понять символику и образность восприятия публичного и приватного. Исследование опирается на эго-документы, как вербальные, так и письменные, представляющие собой свидетельства частных воспоминаний германской истории 1933-1940 гг. В подавляющем большинстве они представлены автобиографиями, которые были собраны в США до 1939 г. и отложились в фондах Гарвардского университета. Основная масса автобиографий, принадлежит эмигрировавшим из Германии евреям, которые оставили свидетельства о собственной жизни до и после 1933 г., в большей степени воспоминания и размышления о Хрустальной ночи 1938 г., а также причинах, побудивших их эмигрировать (S. 2-3).

Автор отмечает, что дихотомия приватное/публичное в годы нацистской диктатуры представляло собой поле битвы, на котором власть стремилась добиться победы над индивидом и достигнуть состояния тотального контроля государства над человеком. Проследивая теоретические конструкции приватного/публичного, он указывает на то, что для исторических исследований эта проблема стала звучать только в последней трети XX века, что во многом было связано с изучением социокультурной истории и истории повседневности. Исследователь выделяет два подхода к пониманию обозначенной проблемы. В первом случае речь идет о сторонниках теории тоталитарного государства, считавших, что нацизм смог обеспечить тотальный охват немецкого населения и соответствующее его подчинение собственной власти через сеть различных общественных организаций, таких как Немецкий трудовой фронт и Гитлерюгенд. Однако в ходе дискуссии о монархии и поликратии нацистского государства, возникшей в германской историографии в 1970-е гг., определилась и вторая точка зрения, которая указывала на то, что в приватной сфере скрывался потенциал протеста против Левиафана

государства, как, например, на это указывал Н. Фрай (S. 5-8). Полемизируя со сторонниками гендерной истории, К. Мейер отмечал, что политизация частного через систему социальных программ материнства и детства нацистского государства была не следствием всеобщего контроля власти над обществом, а представляло собой стратегию включения «фольксгеноссен» в «нацистскую народную общность». Он подчеркивает наличие дифференцированного отношения народной общности и самополитизации в нацистской системе. Указывая на то, что автобиографические источники исследования представлены как свидетельства евреев, так и неевреев, эмигрировавших в США в конце 1930-х гг., исследователь обращает внимание на то, что проблема частного пространства воспринималась ими несколько иначе. Если для немецких евреев оно определенным образом четко диагностировалось, то для неевреев ситуация приобретала парадоксальный характер. С одной стороны, политическая система объединяла частное пространство с народной общностью, т.е. политизировало частное, с другой стороны, претензия режима на воспитание «нового человека», фактически превращала частную сторону жизни немца в самополитизированную сферу (S. 11).

Следует отметить, что К. Мейер не стремится к реконструкции частной истории немцев, скорее наоборот, используя семантический метод, он анализирует не собственно частную жизнь, а конструирование пространства частного. Опираясь на подход Р. Козеллека, его внимание при анализе автобиографий обращено к пространству «опыта» и «ожидания», как биполярной асимметричной пары, где реконструируется пространство опыта и горизонт ожидания (S. 22). В этой связи ценность автобиографических сочинений состоит в том, что они отражают не только отношение к временным этапам жизни, но и являются ретроспективным взглядом на временную линию позднего опыта с ранними ожиданиями.

При анализе отражения частного в автобиографиях, автор отмечает, что большинство авторов евреев указывают на расовую, а не политическую причину их политической и гражданской дискриминации, что и стало отправной точкой к их эмиграции. Он выделяет данную практику как общественную стигматизацию в нацистском обществе, ставшую коллективным опытом немецких евреев. Комплекс использованных автобиографий позволил К. Мейеру выделить три категории свидетелей, каждая из которых имела собственную особенность: евреи; женщины; лица, преследуемые по политическим мотивам. Также выделяются тематические линии воспоминаний: тема свободы; стремление к политической интеграции в американское общество и демонстрации любви к США и Ф.Д. Рузвельту, показывающая их лояльность к американскому режиму и соответственно нелояльность к режиму А. Гитлера; надежда на профессиональную интеграцию (S. 85-90). Справедливым выступает утверждение о том, что данные свидетельства являются отражением «эмиграционной политики» (S. 91).

К. Мейер утверждает, что структура частного во многом представляет собой форму домашнего пространства, предполагающее наличие собственной комнаты и возможности уединения; оно также включает в себя окружение, семью и друзей. Свидетельства указывают на то, что с установлением нацистского господства можно говорить о смерти частной жизни, так как режим настолько глубоко вторгся в эту сферу как никто другой до него, ни кайзер, ни республика (S. 104). Политизация публичного пространства через символику, флаги, законы оказывало воздействие на частную сферу, в которой эта политическая реальность занимала определенное место. К. Мейер утверждает, что идеологические категории национал-социализма, разделяющие население на евреев и неевреев, не создали специфического пространства ни «еврейской частной жизни», ни «арийской частной жизни» (S. 118). Тем не менее, можно говорить о том, что политизация частного в национал-социализме поддерживалась демонстрацией лояльности режиму и страхом перед угрозой доноса властям на нелояльные проявления. Автор подчеркивает, что в большинстве свидетельств отмечается опасность доверительных политических бесед, ведения дневника и переписки.

Совершенно верно исследователь обращает внимание на то, что доноительство обеспечивало связь между террором режима и обществом (S. 120-121, 135). К. Мейер полагает, что политическая тематика приводила к сужению системы коммуникаций, ограничению приватной сферы, когда приходилось постоянно осуществлять самоконтроль при беседе с друзьями, членами семьи, проявлять постоянную осторожность из-за страха перед доносом. Исчезновение откровенности было следствием разрушения семейного пространства (S. 145-146). Опасность политизации выражалось в том, что любая критика режима становилась преступлением, поэтому граница между политическими и неполитическими высказываниями становилась призрачной. Она отягощалась конфликтом поколений, когда в немецкой семье дети были членами Гитлерюгенда, а в еврейских семья присутствовал конфликт поколений между сионистской молодежью и ассимилированными родителями (S. 168, 195).

Понятие дружбы приобретало политический характер. К. Мейер считает, что следует рассматривать его как понятие находящееся внутри приватного, а не как часть дихотомии приватное/публичное. Появление в гестаповских анкетах графы «еврейские друзья» дополнялось и понятием «арийский друг», присутствующим в еврейских воспоминаниях. Историк полагает, что семантика дружбы между евреями и неевреями устанавливалась новыми политико-общественными границами, в которых существовали немецкие евреи в «народной общности». Дружба с неевреями была семантикой «неидентификации» (S. 244).

Автор отмечает, что образ дома в автобиографиях получает метафору могилы, так как в основном евреи в Германии старались появляться на улицах с наступлением сумерек. Образ могилы становился противоположностью нарративу отхода. Приватное пространство дома становилось желанием закрыться в четырех стенах, защититься от публичного пространства (S. 264). К. Мейер приходит к выводу, что нацистский режим не делал различия между приватным и публичным. Он вел изменчивую игру. В конечном счете, политизация семьи изнутри приводила к разрушению приватности (S. 286, 291).

Исследование Кристиана Мейера заставляет по-новому взглянуть на жизнь человека в условиях диктатуры и сжигания личного пространства. Оно позволяет обратить внимание на семантические элементы свидетельств современников, позволяющие понять стратегию выживания людей в диктаторских режимах.

Malinowski, Stephan: Die Hohenzollern und die Nazis. Geschichte einer Kollaboration. – Berlin: Propyläen, 2021. – 752 S. – ISBN 978-3-549-10029-5

Малиновски, Стефан: Гогенцоллерны и нацизм. История сотрудничества. - Берлин: Проппюлейн, 2021. – 752 с. - ISBN 978-3-549-10029-5

Рецензент / Rezensent:
Сергей Артамошин / Sergej Artamoshin

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2023-00006>

История Германской империи неразрывно связана с правящей прусской королевской династией Гогенцоллернов. Падение империи в годы Великой войны привело и к падению правящей династии. После этого бывший кайзер и его семья отошли в тень политических событий, но не исчезли из жизни. Опубликованная в 2021 г. монография известного исследователя Стефана Малиновски, преподающего европейскую историю в университете Эдинбурга и признанного специалиста по истории немецкого дворянства начала XX в., автора книги «От короля к вождю», в которой анализировались отношения немецкого дворянства к национал-социализму, дает расширенную картину общественного и политического влияния династии после крушения монархии и начала эмигрантского периода жизни. Автор акцентирует внимание на специфическом политическом аспекте, которому и посвящена книга, касающемся вопросов политических взаимоотношений семьи Гогенцоллернов и немецких правых организаций, особенно нацистского движения, на протяжении Веймарской республики и времени национал-социалистической диктатуры. Конечно, тень нацизма придает данному исследованию своеобразие, но следует сразу оговориться, что автор успешно уклоняется от излишней политизации темы, концентрируя внимание на фактической и символической стороне исследования.

Исследование С. Малиновски посвящено изучению отношений не столько экс-кайзера, сколько экс-кронпринца Вильгельма, части его приближенных и окружения с нацистским движением и лично с А. Гитлером, а также с немецкими правыми движениями Веймарской республики. Внимание концентрируется на трех поколениях Гогенцоллернов: 1) последнем германском кайзере Вильгельме II, 2) его старшем сыне кронпринце Вильгельме Пруссом и 3) поколении его семерых детей, среди которых выделяется его второй сын Луи Фердинанд. Фактически осуществляется создание аналитического и нарративного группового портрета императорской династии и его окружения после потери власти (S. 12). Автор отходит от классического рассмотрения коммуникационных связей, уделяя внимание не только личности кронпринца и его окружения, но и методам современной пропаганды, благодаря которым образ наследника престола передавался публике, что требовало изучения медийного сопровождения политической деятельности экс-кронпринца. Групповой портрет трех поколений после 1918 г. предстает историей коммуникационных связей между семьей Гогенцоллернов и общественностью. Малиновски С. отмечает, что в образе кронпринца и его семьи выделяется, еще со времен империи, милитаризованный компонент, который коснулся не только мужчин, но и женщин, в то время как в 1920-30-е гг. стало преобладать стремление представить кронпринца как частное лицо, без использования военной атрибутики (S. 15-16). Особенностью книги является стремление автора проследить коммуникационные контакты между кронпринцем и немецкими правыми, что автоматическое означало рассмотрение вопроса об отношении к Веймарской республике,

ее политическим элитам и тем процессам, которые происходили в германском обществе в те годы.

Автор рассматривает особенности падения кайзеровской монархии, обращая внимание на мотивацию кайзера, опасность ситуации в войсках под воздействием революционных процессов. Можно согласиться с тем, что эмиграция кайзера Вильгельма II подорвала его популярность среди монархических и правых сил. Вместо героической смерти на поле боя произошло бегство, создавшее вакуум между дворянством и кайзером, который впоследствии заполнил образ фюрера. Самоубийственная атака в сабельном бою Луи Фердинанда принца Прусского в 1806 г. не стала для Вильгельма II примером, отмечает исследователь (S. 30).

Несмотря на то, что Гогенцоллернов в годы Веймарской республики относили к части контрреволюции, в их деятельности в большей степени проступало позерство и актерство, чем готовность к решительным действиям. Второй сын кронпринца Луи Фердинанд, названный в честь знаменитого предка, который возглавил дом Гогенцоллернов в 1952 г., демонстрировал свое расположение к демократии и системе ФРГ, представляя собой определенный «бунт» против милитаристской традиции и связей семьи с нацистским движением (S. 30).

Малиновски С. указывает на наличие двух центров монархической контрреволюции, расположенных в Доорне и Вирингене, что задавало направленность политических контактов экс-кайзера и экс-кронпринца, причем, последний, активно отодвигал отца в сторону в поиске контактов с правыми силами в Германии. Политическое отношение Гогенцоллернов к Веймарской республике определялось их надеждой на реставрацию, что требовало постоянного присутствия коронованных особ в медийном пространстве. Автор анализирует образ экс-кайзера и экс-кронпринца, формирующейся в общественном сознании, на основе рассмотрения комплекса фотографий, карикатур, информационных сообщений. Обращая внимание на оппозиционные издания, он указывает на то, что фигура экс-кайзера и экс-кронпринца в основном представлялась сатирически, как царственные особы, которые жаждали возвращения потерянной власти и подталкиваемые праворадикальными силами к пустующему трону (S. 56-58).

Исследователь обращает внимание на механизм коммуникационных связей, считая, что он служил средством присутствия прусской королевской семьи на республиканском пространстве Германии. Вполне естественным для экс-кайзера было отрицание Веймарской республики и ее деятелей, и стремление возложить на них вину за крушение монархии. Поэтому убийство Эрцбергера, Ратенау, смерть Эберта вызывали симпатию со стороны экс-кайзера. Формой поддержания монархизма в республиканской Германии выступали разнообразные военные ритуалы и коллективные представления, которые воспринимались республиканцами как политический фарс, однако, как справедливо утверждает автор, служили мобилизацией монархических эмоций (S. 70).

Выдвижение на первый план фигуры экс-кронпринца Вильгельма определялось не только возрастом, но и системой политических контактов, которые он сохранил и приобрел с новым руководством рейхсвера, вождями фрайкоров и правых политических сил. Их единение определялось, по мнению С. Малиновски, тем, что война приобрела новые формы и новых вождей, но сохранила свою суть. Благодаря прессе формировался новый образ экс-кронпринца как модернистского претендента на трон, отличавшего от его отца. Достаточно часто он представлялся как современный солдат (S. 86-87). В иностранной прессе он выступал как частное лицо, ведущее жизнь вдали от политических столкновений. С. Малиновский указывает на то, что демонстрация приватной жизни служила политическим целям (S. 108). Справедливо отмечается, что те или иные члены семьи Гогенцоллернов символизировали собой антиреспубликанизм. Автор подробно рассматривает разнообразие контактов между экс-кронпринцем и правыми организациями Веймарской республики, подчеркивая взаимодействие со Стальным шлемом (S. 191-194).

Анализируя политическую жизнь Веймарской республики, исследователь постоянно обращается к символике власти, указывая на то, что флаги, потсдамские парады, чествования героев представляли собой ритуал присутствия монархии, и многими республиканцами воспринимались как отражение Доорна (S. 200-202). С. Малиновски отмечает стремление экс-кронпринца с симпатией воспринимать фашизм, в котором удалось сочетать королевскую и вождистскую форму власти. Это находило отражение в переписке экс-кронпринца с Муссолини, его членство в «Обществе по изучению фашизма», которое носило символический характер, превращаясь в форму политической активности (S. 220).

Рассматривая систему политических контактов с нацизмом семьи Гогенцоллернов, С. Малиновски подчеркивает, что наибольшую активность они приобрели в 1932 г., при этом значение этого взаимодействия носило двойственный характер, сочетавший в себе оппозиционность и коллаборационизм. С одной стороны, семья Гогенцоллернов рассматривалась как потенциальный объединитель нации и альтернатива национал-социализму. С другой стороны, интенсифицировались политические контакты между ними, которые стали приобретать дружественный характер, вплоть до обращения экс-кронпринца к Гитлеру со словами «любимый господин Гитлер» (S.242-248). Малиновски С. полагает, что для Гитлера важным было имя экс-кронпринца, объединение с его харизмой и превращение в политическую фигуру, выгодную нацизму. Анализируя особенности отношений Гогенцоллернов и нацизма, исследователь называет их «мезальянсом», так как нацизм в своей политической программе был чужд дворянству, представляя себя как народное движение. Вместе с тем нацизм старался использовать монархические чувства для достижения политического успеха (S. 273-279). Следует согласиться с выводом автора о том, что разделительной чертой отношений Гогенцоллернов и нацизма выступает убийство Рёма и Шлейхера в 1934 г. (S. 424). Действительно, «ночь длинных ножей» стала рубежом и концом праворадикального движения в Веймарской республике, позволившей нацизму убрать всех политических конкурентов из числа правых сил. Малиновски С. справедливо утверждает, что трансформация князей и принцев в «фольксгеноссен» носило как символический, так и фактический характер. В этом он видел стремление дворянства занять в Третьем рейхе руководящие позиции.

Обстоятельная монография С. Малиновски заставляет задуматься не только об альтернативности нацистского господства, но и уникальности развития праворадикальных и монархических движений в Веймарской республики и особенностей их взаимоотношений. Пример политической деятельности семьи Гогенцоллернов после крушения монархии демонстрирует механизм сохранения своего политического значения и надежду на реставрацию.

Erstveröffentlichung der Rezension in deutscher Sprache auf H-Soz-Kult am 02.09.2021:
Первая публикация рецензии на немецком языке на H-Soz-Kult 2 сентября 2021 г.:

Thomas Schwarz: Rezension zu: *Aly, Götz: Das Prachtboot. Wie Deutsche die Kunstschatze der Südsee raubten. Frankfurt a.M.: S. Fischer 2021. ISBN: 978-3-10-397036-4; 235 S., In: H-Soz-Kult, 02.09.2021* <<https://www.hsozkult.de/review/id/reb-97653?title=g-aly-das-prachtboot>>

Aly, Götz: Das Prachtboot. Wie Deutsche die Kunstschatze der Südsee raubten. Frankfurt a.M.: S. Fischer 2021. ISBN: 978-3-10-397036-4

[Али, Гётц: Роскошная лодка. Как немцы похищали художественные сокровища Полинезии. Франкфурт-на-Майне 2021]

Rezensent: Thomas Schwarz, Department of German Literature, Nihon University, Tokyo

Рецензент: Томас Шварц, кафедра немецкой литературы, Университет Нихон, Токио

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2023-00016>

В основе заглавия этой книги лежит «роскошная лодка» с острова Луф, находящаяся ныне во владении Этнологического музея в Берлине.¹ Это лодка длиной 15 метров с выносным поплавком, способная перевозить до 50 человек. Куратор Берлинского этнологического музея, ведавший океанийской коллекцией, Феликс фон Лушан, купил эту лодку в 1903/04 году за 6000 марок (S. 16, S. 122). Однако и по поводу этого предмета из Океании возникает вопрос, был ли он приобретен законным путем или это добыча, полученная путем колониального грабежа. Исследование истории происхождения экспоната, проведенное Али, проясняет не все обстоятельства его приобретения, но реконструкция обстоятельств проливает красноречивый свет на методы германского колониализма в Тихом океане.

В середине XIX века на острове Луф, расположенного в архипелаге Эрмит, еще проживало более 400 человек (S. 14). В 1879 году немецкий предприниматель Эдуард Хернсхайм, ведший дела в этом регионе, основал на архипелаге торговую факторию, которую перенес в 1881 году на главный остров Луф. Во время своего пребывания в Германии летом 1882 года он получил известие, что жители Эрмита подожгли его факторию и, как утверждалось, атаковали корабли и застрелили одного из капитанов (S. 48). Хернсхайм предложил Бисмарку отправить туда карательную экспедицию, и в декабре 1882 года по приказу канцлера канонерская лодка «Хиэне» и корвет «Карола» появились у берегов острова Луф. В ходе этой германской военной «террористической акции» (S. 50), включавшей в себя артиллерийский обстрел и высадку десанта, была уничтожена основа существования островитян – их дома и лодки. Непосредственным результатом «карательной экспедиции» стало, по всей видимости, сокращение численности населения острова примерно наполовину (S. 53f.). Антрополог Августин Кремер зарегистрировал в 1905 году ровно 52 жителя на острове Луф (S. 128). Его коллега Пауль Хамбрух пришел к выводу, что именно «карательные экспедиции»

¹ Данная рецензия подготовлена в рамках исследовательского проекта по программе Японского общества содействия науке „Exoticism and the Spread of Disease on Pacific Islands“ (21K00444).

стали той причиной, из-за которой началось «вымирание» населения острова Луф (S. 60). Автор говорит о «политике истребления», которую Адольф Бастиан, директор-основатель Берлинского этнологического музея, приукрашенно описал как «естественное» вымирание «примитивных» культур (S. 66).

Фирма «Хернсхайм», которая своей прибылью была обязана растущему спросу на копру, в 1892 году перешла в собственность Макса Тиля (S. 81). В письме Ричарда Паркинсона в Берлинский этнологический музей, написанном в 1904 году, говорится о том, что фирма «Хернсхайм» «обирает догола» тихоокеанские острова в своей зоне ответственности, здесь совершается «этнографический грабительский набег» беспрецедентного масштаба (S. 82). В 1902 году Макс Тиль продал около 500 гектаров «бесхозной» земли на островах Эрмит доверенному лицу компании «Хернсхайм», Генриху Рудольфу Валену (S. 123). Помимо Хелльвига, к «команде по приёму» также присоединился маляриолог Отто Демпвольф (S. 124f.). В своем дневнике, который был опубликован в 2019 году, он сначала объяснял сокращение численности населения острова Луф эпидемиями и свободной от табу «практикой полового акта» (S. 125). Через несколько дней ирландский торговец Джимми Девлин сообщил ему о «карательной экспедиции» на остров Луф, а также утверждал, что выжившие махнули рукой на самих себя (S. 126). Господин Демпвольф пересказал это сообщение в своем докладе о «вымирающих народах», в котором он объявил, что причиной «самоуничтожения» населения острова явились «детоубийство и аборт» (S. 127). Позднее Девлин признался, что солгал Демпвольфу. Тем не менее эта версия истории была включена и в официальную версию провенанса лодки с острова Луф (S. 35f., 41). Поэтому, когда президент Фонда прусского культурного наследия, Герман Парцингер, говорит в 2018 году о «сокращении численности населения на острове» Луф, Гётц Али справедливо обвиняет его в эвфемистическом искажении фактов (S. 41, 60). Ответственность за децимацию населения на острове Луф лежит на германском государстве, проводившем колониалистскую политику, и из этого факта вытекают последствия, касающиеся того, как следует представлять эту лодку в берлинском музее. В книге Гётца Али выдвигается тезис, что за разговорами о «вымирании» первобытных народов стоит концепция их «уничтожения» (S. 173).

Лодку с острова Луф построили три человека, которых звали Карай, Немин и Кселау, вместе с вождем Сини и его отцом Ксайгудом (S. 136f.). Во время посещения группы островов Эрмит в 1899 году антрополог Георг Тилениус заявил, что данная лодка является последней в своем роде. Она, по его словам, уже много лет пролежала в эллинге, поскольку у немногочисленных мужчин на острове Луф не хватало сил, чтобы сдвинуть ее (S. 145f.). Эдуард Хернсхайм пишет в своих мемуарах, что лодка с острова Луф «перешла» от Макса Тиля «в его руки» (S. 28, S. 131). О том, как именно в 1902 или 1903 году лодка была «изъята у законных владельцев» (S. 184), в источниках ничего не говорится (S. 38). Но контекстуализация, осуществленная Али, убедительно показывает, что «все предметы коллекции из бывших колоний» находятся «под общим подозрением в незаконном, насильственном или этически сомнительном приобретении» (S. 183).

Гётц Али понятно пишет для широкого круга читателей. Его книга примыкает, прежде всего, к монографии Александра Круга о немецких «карательных экспедициях» в южной части Тихого океана между 1872 и 1914 годами, опубликованной в 2005 году. Невзирая на то, что уже существует множество работ, посвященных критическому разбору германского колониализма в Африке, в историографии, формирующей восприятие публикой этой темы, политика «протектората» в «германской Полинезии» все еще превозносится как своего рода гуманитарный проект. Заслуга Гётца Али заключается в том, что он четко отделяет себя от подобной историографии, которая стремится преуменьшить негативные стороны колониализма в Тихоокеанском регионе,

описывает его как форму встречи культур, за которой последовало сокращение населения.

В конце автор также не обошелся без того, чтобы предложить, как следует теперь поступить с этим объектом. Он рекомендует рассматривать «потомков некогда ограбленных создателей лодки с острова Луф» и их представителя, государство Папуа – Новая Гвинея, как «лиц, передавших право собственности на свое имущество в доверительное управление», и подтвердить их статус «владельцев» лодки, чтобы тем самым предоставить им право принять решение о «продолжении или прекращении доверительного управления этим имуществом» (S. 191). Ирония истории заключается в том, что Фонд прусского культурного наследия в 2018 году из-за размеров лодки перевез ее из бывшего помещения Этнологического музея в берлинском районе Далем в недостроенное здание восстанавливаемого дворца Гогенцоллернов, чтобы еще до открытия в нем Форума Гумбольдта в 2020 году внести ее внутрь и затем там практически замуровать. Теперь, в случае принятия решения о возврате лодки прежним хозяевам, пришлось бы, видимо, проламывать фасад дворца.

Перевод с немецкого: Наталия Алушкина (Natalia Alushkina)
Редакция перевода: Кирилл Левинсон (Kirill Levinson)